

АЛЕКСАНДР САПЕГИН

СЕРВЕЛ ПОНТАСТУМА

ТАМ, ЗА
ГОРИЗОНТОМ

Александр Павлович Сапегин
Там, за горизонтом
Серия «Боевая фантастика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68780079

*Там, за горизонтом:
ISBN 978-5-17-148772-0*

Аннотация

Человечество не знало и не ведало о наступившем апокалипсисе, ведь он как пуля, о которой до последнего мгновения не догадывается тот, кому она предназначена. Мир не ожидал, что в одно мгновение он из светлого и хоть как-то обжитого неугомонным человечеством превратится в жуткие джунгли, где вместо деревьев небеса пронзают разрушающиеся дома, а дым пожарниц соревнуется в непроглядности с таёжными туманами.

Если кто-то подумал о войне – не было войны. Не сыпались на головы мирных граждан бомбы и снаряды. Просто почти всё человечество в один миг сгорело, рассыпавшись жирным пеплом, а выжившим достались в наследство постиндустриальные развалины обновлённого, сурового и негостеприимного мира.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	21
Глава 2	66
Глава 3	95
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Александр Сапегин

Там, за горизонтом

© Александр Сапегин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

– Михалыч, твою ж налево!

Вошедший в раж главный механик обильно орошал слюной пространство перед собой, в истовом гневе подпрыгивал на месте, при этом экспрессивно размахивая руками, из-за чего напоминая маленькую худосочную мельницу с пивной пристройкой и двумя лопастями, которые пытаются утащить строение в небо, но им решительно не хватает мощности.

– Как же так? Ты куда смотрел, я тебя спрашиваю?! Ты ж... я ж-ж, да я тебя...

Главмех орал пять минут без остановки. Надсаживался он самозабвенно, словно глухарь на току, задирая вверх выдающийся во всех смыслах шнобель. Двухногий «птиц» токовал, то двигая вверх-вниз выступающим яблоком кадыка на тонкой шее, то патетично заламывал руки, то бешеным кочетом наскакивал на виновника начальственной ярости, что мял в руках замасленные концы. Со стороны казалось, что главный механик упивался своим монологом, совершенно не слушая пожилого экскаваторщика и не давая тому вставить в непрекращающийся разнос ни слова в собственное оправдание. Михалыч, широченный, словно вставший на дыбы гризли, в два раза по размаху плеч превосходил Якова Полякова, которого в мехколонне за глаза кликали Штырём за фигуру беременного гвоздя, сейчас боязливо втягивал голову в пле-

чи, стараясь казаться как можно меньше, натужно сглатывал, выпускал сквозь зубы набранный для ответной оправдательной тирады воздух и, опустив взгляд долу, в очередной раз начинал оттирать грязь и масло с рук.

Кутаясь в форменную парку с сигнальным жилетом поверху, Михаил Бояров снял каску и натянул на голову подбитый мехом капюшон. Морозец на улице стоял изрядный, где-то за тридцать давило, а благодаря порывистому ветру, то и дело запинаящемуся о верхушки сосен и шелестящему длинными зелёными иглами, градус личных ощущений опускался гораздо ниже сорока градусов.

Благоразумно зайдя за разъездную «летучку», защищавшую от ветра и от колких ледяных осколков, срываемых с островерхих сугробов и обмётанных изморозью кустов, Михаил принялся равнодушно разглядывать ковш экскаватора, торчащий из земли, словно последний привет Терминатора, ныряющего в расплавленный металл. Если смотреть со стороны, то заваленный породой и скальными глыбами увенчанный зубцами привет производил гнетущее впечатление, как и образовавшаяся на пологом склоне сопки глубокая яма. Да, что тут сказать – незадача!

Михаил зябко повёл плечами, прижимаясь правой щекой к щекотливым шерстинкам меховой подбойки.

Вот, к примеру, ему бы сейчас в тепло, к печи, чтобы отогреться с мороза, а Штырю хоть бы хны! Человек в движении, прыгает и скачет, машет руками. С такой разминкой,

как стихотворному дровосеку, никакой мороз не страшен. Михалыч тоже расхристан – горло наружу, никакими воротниками и шарфами не прикрыто, вязаная шапка на бочок, грязная ручища то и дело утирает выступающий на лбу пот. Хотя завидовать экскаваторщику Михаил бы не стал. «Тантрический секс» с руководством с кого угодно ведро солёной влаги вышибет. Лучше он в сторонке помёрзнет, чем согреется подобным образом.

Поморщившись от очередного порыва ветра и притопнув ногой, Михаил вновь занялся созерцанием провала, в который словно шар в лузу угодил экскаватор. Дырища! Определённо кто-то получит по шапке с подвыподвывертом и прочими ништяками. Боссам, сиречь начальству, плевать на причины и следствия с высокой колокольни, им стрелочника подавай. Сакральную, так сказать, жертву.

Вот и брехал Поляков на всю мощь куцых лёгких, изображая горластого цепного пса, понимал, трубка клистирная, что «стрелочником» могут назначить его, да что там могут – назначат, а за сим назначением остаётся маленький шажок до появления в трудовой книжке строки с двумя «горбатыми»¹.

¹ Две статьи 33 КЗоТ (Кодекса законов о труде), действовавшего до 2002 года. Статья 33 содержала перечень оснований, дающих право администрации организации инициировать по собственной инициативе расторжение трудового договора с работником. Чаще всего это имело негативные последствия для уволенного, становясь своеобразным клеймом, и зачастую служило препятствием для нормального трудоустройства в дальнейшем.

– Да-а, вот типа расковыряли сопочку, – охлопывая карманы в поисках зажигалки, с философской интонацией обронил вылезший из «летучки» Максим Злобин.

Чуть рыжеватый, вёрткий как угорь, юркий парнишка с острым лисьим лицом и плутоватыми глазками второй год крутил баранку в колонне. За время работы Злобин успел разменять две клички, одной из которых была Фокс, а вторая, за выступающие передние резцы – Бобр. И смех и грех, бобровый лис. Если же не обращать внимания на недостатки, то водителем Максим был грамотным, в технике разбирался, не доверяя свою «ласточку» механикам, лично проводя все положенные ТО. Машина платила рыжему взаимностью, не ломаясь почём зря, даже «ножки» не рая гвоздями и прочей дорожной гадостью. Сколько Михаил ни вспоминал, на память не желали приходить случаи, чтобы у Фокса оказалось пробито колесо или выезд задерживается по причине какой-либо неисправности.

– Штырь разошёлся – не заткнуть. Как бы он Мыхалыча без соли и тапок не схарчил. Подведёт он теперь его под монастырь, помяни моё слово. Что теперь будет-то, Палыч? – Найдя искомое, водитель прикурил зажатую в зубах сигарету и, сделав первую глубокую затяжку, принялся буравить взглядом невольного собеседника.

Неопределённо пожав левым плечом, Михаил задумался об ответе. Остроносый Максимка слыл той ещё сорокой, не умеющей держать клюв на замке. Со всеми рыжими, с кото-

рыми его сводила судьба, почему-то всегда было так, и у Михаила Боярова выработался натуральный рефлекс держать с ними ухо остро, а с этим кручёным индивидуумом с быстрым взглядом и острым языком без костей, который запросто мог что-нибудь ляпнуть, не задумываясь о последствиях, следовало быть вдвойне осторожней.

– Да ничего не будет. Будто ты нашего... гх-м, г-хм, не знаешь. Поорёт, пар выпустит, соточку кошерной водки тяпнет да уймётся. В первый раз, что ли? Тем более здесь его косяк, – сплюнул на снег Михаил, делая шаг назад.

Сам он не курил и хоть относился к курильщикам равнодушно, а кое-где даже с пониманием, но дым в лицо не переносил категорически.

– С Михалыча, конечно, премию стрясут по полной программе, но что-то содрать сверх того не получится. Не то пальто, Максимка. Тут Свягина надо драть в хвост и гриву. Причём здесь Михалыч? Ему сказали копать отсюда и до обеда, он копает. Куда, спрашивается, горный инженер смотрел? Синячил с подрядчиками, как всегда.

Шурфы набурили, а толку? Ещё вопрос – бурили ли, а?

Вон весь сказ, торчит памятником нерукотворным, сам видишь.

– Да-а, – глубоко затянувшись, обронил Максим. – Говорю тебе, Штырь Михалыча за экскаватор живьём сожрёт без соли и хлеба. Сколько баблосов за него отвалили, не в курсе?

– Не в курсе, – качнул головой Михаил, – передо мной

не отчитывались. А так... По большому, цел Komatsu. Откопать, от грязи отмыть, и как новенький будет, он вниз будто по пандусу съехал, потом его породой аккуратно присыпало. Так, косметика. Чуть подрихтовать, шпатлёвочкой помазать, краской заполировать, и сойдёт за новенького. Думаю, в крайнем случае кабину поменять. Штырь пусть богу молится, что без трупов обошлось, а то светило бы ему небо в клеточку.

– А откуда типа? – швырнув бычок и проследив за его полётом до ближайшего сугроба, поинтересовался Максим, делано морщась от особо цветастых оборотов, долетавших до стоянки с места локальных разборок.

– Догадайся с первой попытки, кто Михалыча из пещеры вытаскивал?

– И что там, большая дыра? Как там, типа Эра Аса, э-э, нет, Эса Ала – мать всех пещер...

– Ух ты, какие ты слова знаешь! – перебил Михаил. – Долго учил? Мать не мать, эта... как её?

– Эса Ала, типа Пещера Ласточек. Дык канал «Дискавери», не хухры-мухры, с сынишкой по выходным смотрю иногда. Порой что-то интересное и полезное показывают, не то-то эти осточертевшие шоу про «Пусть п...т». Достали эти типа Малаховы и прочие, куда ни ткни, с каждого утюга верещат.

– Хм, – усмехнулся Михаил, которого начинало коробить от паразитирующего на языке Максима «типа». – Ласточек

и гуано я там не видал, если только спелеологи в будущем не нагадят, хм. А так – да, пройма порядочная. Не поленись, сходи, глянь, пока есть возможность. Там натоптано, так что не провалишься. Через день-два спелеологов и прочих охочих набежит, не пропихнёшься.

Ребята из колонны и подрядчики тоже по разу заглянули.

Впечатлились по самое не балуйся. Теперь растреплют всему свету по секрету. Конечно, не каждый день пещеры находят, а тут целая сенсация. Теперь понятно, куда Сухой ручей исчезает и откуда в Ореховой пади Кривое озеро водой питается. Вода всегда выход найдёт, Максимка, запомни: всегда! Здесь ушла, ниже вышла. А пещера, да, зачётная, как кишка, вглубь сопки уходит, я фонариком конца не досветил, а вглубь лезть как-то стрёмно. Я ещё жить хочу.

– Что, типа задний «жим-жим» включился? – хитро прищурившись, грубо схохмил водитель.

– «Жим-жим», – ни капли не смутился Михаил. – Мне ещё дочку поднимать и сына на ноги ставить, а лезть туда, куда кобель не суёт, знаешь, как-то не по мне. Пусть специалисты разбираются, а я в сторонке спокойно постою, не переломлюсь.

– Ну, а как...

– В первом приближении?

– Ага, в первом типа...

– Темно и воздуха не видно. Ну, а что ты хотел узнать?

Нашёл кого спросить. Пещера как пещера. Я глубоко не

лез, так, где лагами и брусом укрепили, чтоб башки не проломило, если сверху посыплется. Помог Михалычу выбрать-ся. Что ещё? Сами боковые стены близко, здесь, по крайней мере, а как оно дальше, бог его ведаёт. Михалыч так аккуратненько, впритирочку между ними влетел, кабиной под свод втиснулся, снайпер хренов. Повезло, можно сказать. Хорошо, что обошлось без смертельных, и никто в провал раньше не угодил. Тут же дорогу месяц назад проложили, и сколько раз вахтовка туда-сюда с людьми моталась – не пересчитать. Представь, если бы туда КамАЗ с полной будкой людей на-вернулся, – водитель представил и зябко передёрнул плеча-ми. – Во-во! Месиво! Михалыч ещё вовремя среагировать успел, стрелу вытянул и ковшом зацепился, удержал экска-ватор, а Штырю полагается радоваться, что не придётся го-лой попой в прокуратуре светить.

Бросив взгляд на продолжающего брызгать слюной глав-ного механика, Михаил пнул смёрзшийся комок грязи и про-должил:

– Запросто могло ведь и кабину накрыть, Макс. А за трав-матический случай со смертельным исходом со Штыря бы все перья без анестезии сняли и живьем отымели по полной программе. Думаешь, чего он тут надрывается? Страх свой он зарывает, Максимка. В душе крестится и богу челом бьёт, что всё обошлось. Фиг с ним, с железом, главное, все живые и здоровые, а экскаватор откопаем.

– А щёбенёк теперь где на отсыпку брать? Карьер, наверно,

прикроют.

– Я тебе поражаюсь, Злобин, тут что, мест нигде больше нет, где скальник и щебень брать? Оглянись, сопки кругом, найдут, где карьер сделать. Горный наш, инженер, просохнет, отоспится и ткнёт пальцем.

– Слышь, Палыч, ты как думаешь, если тут типа всё облагородить и экскурсии водить...

– Я смотрю, Максимка, ты идею хорошую родил, подкинь начальству на досуге. Глядишь, и не Штыря возить будешь, а на «прадики»² генерального рассекать начнёшь.

– Твои слова да богу в уши, – кисло ухмыльнулся Злобин.

Ни для кого в колонне не была секретом влажная мечта Максима сменить баранку «летучки» на кожаный руль начальника джипа. Михаил внутренне усмехнулся.

Как бы ни был Максим хорош как водитель, но генеральный никогда не посадит за баранку своего автомобиля записного сплетника, так что мечты, мечты. Мечтать не вредно, да и статьями Злобин не вытягивал. Бояров доподлинно был в курсе предпочтений шефа, которые тот вынес ещё из лихих девяностых. Сам не маленького роста и не дюймовочной комплекции, генеральный подбирал водителей себе под стать. Таких, чтобы чужие секьюрити чувствовали себя мелкими сопляками рядом с двуногим кабанякой с косою саженью в плечах. Полёт мысли прост аки прямая палка – здоровенный лоб с пудовыми кулачищами и за себя постоит, и на-

² Сокращённое жаргонное наименование внедорожника «Лендкрузер Прадо».

чальство в случае нужды прикроет. С кулаками и портняжным метром между правой и левой ключицами у Злобина как-то не задалось с самого начала. Худой рыжий глист будет оттенять шефа в самом невыгодном свете, поэтому Максиму оставалось только мечтать или надеяться на смену генерального, но отнюдь не факт, что выгорит.

– Эх, пойду, поглазею. Я там точно никуда не улечу?

– Не очкуй, спелеолог. Валяй, – провожая взглядом выезжающую вахтовку, ответил Михаил.

Работяги в будке дружно прижались носами к заиндевевшим окнам, разглядывая место провала и торчащий из земли ковш с куском стрелы.

– Можешь фонарик в моём микроавтобусе взять.

На переднем сиденье лежит. На место вернуть не забудь, гном пещерный...

Минут через десять Максим, возбуждённый коротким путешествием в подземное царство, вернулся обратно.

– Фонарик положил на место, – с ходу объявил он. – Там в природе прикольно. Метров сто до поворота будет, точно говорю. Я бы сходил дальше, но через кучу лезть неудобно, только измажешься весь. Вытащат экскаватор, приберутся, тогда можно.

Слушая парня, Михаил подумал, что мысль, высказанная шепотным водителем, организовать экскурсии и походы в пещеру совсем неплоха. Конечно, от города не близко, но и не далеко. Тридцать километров. Час сюда, час туда. Как

потеплеет немного, можно будет взять детей и привезти их полюбоваться настоящей пещерой, тем более, судя по оговоркам некоторых коллег, информация уже дошла до высшего руководства, и сверху поступило распоряжение ничего здесь не трогать, а раз так, то до появления различного рода энтузиастов, спелеологов и экстремалов остаются считанные дни. Пройдёт пара месяцев и от природной красоты останутся рожки да ножки. Затопчут и загадят гуано за каждым сталагмитом. У нас это быстро, глазом моргнуть не успеешь.

– О, наш Цицерон закончил толкать речь.

– Кто? – не понял Максим, о ком речь.

– Оратор один древнеримский.

– А, – радостно осклабился водитель, – наш Штырь пороть любит.

Михаил едва удержался от интернационального жеста в виде встречи ладони с лицом.

– Максим, я намекаю, что тебе пора за баранку твоего пылесоса. Штырь к машине побежал, а ты тут со мной лясы точишь. Оратор только разговелся на Михалыче, как бы тебе под горячую руку не попасть.

– Ёпт! – Помянув для порядку женщину с пониженной социальной ответственностью, Максим сайгаком сорвался к «летучке».

– Дан приказ ему на запад, мне в другую сторону, – усмехнулся Михаил, направляясь в сторону вагончика-нарядной.

Через минуту тропка, петляющая между высоченных со-

сен, привела к заветной цели с тихо порывкивающим у вагона бульдозером. Толкнув пластиковую дверь, Михаил чуть не задохнулся от висевшего в помещении табачного кумара.

– Мужики, вы часом не охренели? – для проветривания оставив открытой дверь, спросил он. – Если я топор метну, он повиснет или поплывёт?

– Если ты кинешь топор, то кого-нибудь зашибёшь, – под общие смешки ответили ему. – Штырь укатил?

– Укатил, радуйтесь, что он вам на радостях не прописал за курение в неподобающем месте. Совсем без голов, что ли? ЧП на объекте, вы бы ещё кальян тут организовали.

– О, зачётная мысль, – воздел вверх мясистый палец широколицый и вечно красноносый нарядчик Василий Мотыгин. – По закону в общественных местах запрещено курение сигарет, а о кальянах ничего не сказано. Так, мужики, ни у кого лишний кальян в хозяйстве не завалился?

Народ радостно загомонил, обсасывая инициативу со всех сторон и дополняя её разными рацпредложениями, в конце концов доведя мысль до организации на участке хамама, спиртзавода и публичного дома на закуску. Позубоскалив несколько минут, компания вернулась к теме, прерванной появлением Михаила. Как ни странно, болтовня, сопровождающаяся усиленным уничтожением табака, шла о глобальном воздействии человека на климат Земли.

– Да как вы не понимаете, – ударив ребром ладони о ладонь, распалился бульдозерист Полипов Сергей – рябой му-

жик с худым костистым лицом, отчего у окружающих постоянно создавалось впечатление в вечной недокормленности бульдозериста, хотя в столовой тот уплетал так, что спина бугрилась. Злые языки утверждали, что Полипов ест за себя и за того солитёра, раз не в коня корм. – Всё, хана нашему шарiku!

– Да с чего ты взял?! – старательно пряча усмешку, едва ли не грудью наезжал на него Василий Мотыгин, обожающий подкалывать своего закадычного оппонента.

– Да вы вокруг посмотрите! Тайгу, считай, под корень вырубил, зверё выбили. Ты, может быть, не помнишь, но мы ещё десять лет назад тут зайцев и фазанов пачками брали. Где теперь эти зайцы и фазаны? А рыба где? Кончилась рыба! Климат тоже поменялся. Куда ни плюнь, всюду смерчи, ураганы. У нас – то заливает, то сушит. Вообще, диких мест в природе совсем не осталось, сколько сейчас людей на планете? Миллиардов семь, а скоро ещё больше станет, что им жрать прикажешь? Пить и есть все хотят, а воды нормальной-то и нет, всю отравили, а что не отравили, то вся на северах да на югах. – Какие ещё севера и юга?

– Антарктика и Арктика. Богатые страны уже давно вовсю айсберги к себе трелюют. Между тем ледники тают, кто бы там что ни говорил.

– А это при чём? – не отставал Василий.

– Да что вам объяснять, – расстроено махнул рукой Сергей, у которого начали заканчиваться аргументы в пользу

собственной правоты. – Вымерем мы, как динозавры.

Краем уха прислушиваясь к пустопорожней полемике, убивающей рабочее время, Михаил протиснулся за угловой столик, где, не откладывая дело в долгий ящик, принялся быстро набрасывать объяснительную. Бумагу так и так требуют, так чего тянуть, спрашивается? Исчеркав два листа в попытках красиво описать ЧП и свою полную непричастность к происшествию, Михаил обогатился знаниями о мире, в котором человечество вымерло в один миг. Наконец, поставив последнюю точку, он поднял взор на «паровозное депо», дружно коптящее сигаретами потолок.

– Так, мужики, выкиньте телевизоры к чёрту, а Полипова на пушечный выстрел не подпускайте смотреть РЕН ТВ, у него скоро марсианские полипы в голове пропишутся.

Отозвав в сторону начальника участка, Михаил обвёл взглядом импровизированную курилку:

– Петрович, что не разгонишь камарилью к хренам?

Не надоело хрень всякую слушать?

– Шабаш на сегодня, пусть до вахтовки развлекаются, – нырнув в карман за тыквенными семечками, с ходу ответил на вопрос начальник участка. – Командиры с конторы приказали все работы свернуть до выяснения обстановки, так что сидим, в потолок плюём. Пока «длиннорукого» не откопают и не обследуют пещеру, все работы сворачиваются до особого распоряжения. Персонал переводят на второй участок, такие вот пироги с котятами, Миша.

Снимают нас. Только я боюсь, что ни фига никого на второй участок не переведут, а выпнут всех в отпуск без сохранения зарплаты. У нас всё всегда через одно место делается.

– А кто откапывать будет?

– Специалисты, Миша. Найдут профессионалов, чтобы не повредить уникальный природный объект, а то, что мужики без денег сидеть будут, всем до фени.

– Да ладно, не нагнетай, Виктор Петрович.

– Сам не хочу, – сплюнув в газетный кулёк шелуху, ответил посмурневший Петрович, – только чует моё сердце и сдалище подвывает, что придётся переделывать проект, ПИР³ тоже медным тазиком накроются, а там до греха с финансированием недалеко, сроки-то срываются, а строительство на контроле у Москвы, как бы нам лавочку не прикрыли, Миша.

– Если так копать, до конца света дорыться можно.

И столкнётся Земля с небесной осью, точно тебе говорю!

– Сплюнь, – сверкнув широкими желтоватыми зубами, ухмыльнулся Виктор Петрович, – до тебя местный курултай тоже с наткания на небесную ось начался.

Покачав головой, Михаил вспомнил о забытом в микроавтобусе мобильнике и вышел из нарядной. Чем бы детки ни тешились, лишь бы они не плакали. Хотя будет неприятно, если сбудется прогноз Петровича. В данный момент судьбы мира и человечества Михаила не трогали от слова совсем, но удар по кошельку будет сродни столкновению с небес-

³ Проектно-изыскательские работы.

ной осью. Отпуск без сохранения зарплаты в наши непростые дни куда хуже мгновенного вымирания человечества, ибо жизнь без денег уже не жизнь, а жалкое существование.

Забрав мобильник и проверив пропущенные вызовы, Бояров задумчиво поплёлся к провалу с торчащим из него ковшом.

– О чём задумался? – гулкий бас незаметно подступившего со спины экскаваторщика вырвал мужчину из тяжёлого водоворота дум.

– Да так, Михалыч, своих хочу сюда привезти. Как вытасшат твой агрегат, облагородят вход, так сразу. Точно, в феврале или марте возьму отгулы и приеду.

Решено, через месяц он устроит детям выезд и шашлыки заодно, тем более места тут красивые. Совместит, так сказать, приятное с полезным. Михаил тогда подумать не мог, что принятое холодным январским днём решение сохранит в будущем не одну жизнь.

Глава 1

Пепел пустоты

– Пап, па-а-ап!

– Ну, что тебе, егоза?

Остановить взявшую разгон Елизавету было гораздо труднее, чем остановить несущегося на водопой носорога.

Пусть размеры двенадцатилетней девочки и животного различались на порядок, но это не значило равным счётом ничего. Носорога можно пристрелить на крайний случай, а вот голенастая юла с косичками, кружащаяся вокруг отца, сама кого угодно доведёт до самоубийства.

– Па-ап!

– Да говори уже! – картинно схватившись за голову, взорвался Михаил.

– А мы заедем за котёнком?

– Каким таким котёнком? – Сцапав Лизу за плечо, тем самым остановив беспорядочное броуновское метание дочери вокруг него, Бояров приземлился на банкетку. – Мы на шашлыки едем, забыла? Какие котята?

– Ты обещал! – васильковые девичьи глаза потемнели.

Дочка давно зарубила на маленьком носу, что цирк со слезами с отцом не прокатывает, но сейчас в бездонных океанах собирались грозные тучи обиды, тем более отец действи-

тельно обещал купить котёнка.

– Обещал, значит, куплю! – отрезал Михаил, старавшийся всегда держать данное слово, тем более слово, данное детям и дочери в частности, никогда не жаловавшейся на память.

Стоит отметить, что Лиза целиком скопировала подобную черту характера у отца, к своим обещаниям она относилась крайне серьёзно, что редко встречается у двенадцатилетних девочек.

– Но не сегодня же!

– Я вчера созванивалась с хозяйкой, она специально один день придержит котёнка для меня, я обещала, что мы заедем.

– О господи, доча, а ты с мамой или со мной обсуждала покупку? Не много ли ты берёшь на себя, обещая за всех нас? Ты же знала, что мы едем на шашлыки. И куда мы его повезём, твоего котёнка, в лес?

– Ага, с мамой обсуждала, она отмахнулась и сказала, чтобы я сама договаривалась, – сверкнув зубками в виноватой улыбке, шмыгнула носом Лиза, но от своего не отступилась. – Мама сказала, чтобы я привыкала отвечать за себя и за свои хотелки. Пап, не бойся, нам по дороге, и стоит котёнок недорого, я ему теплую корзинку приготовила. Хочешь, покажу?

– Позже, стрекоза, – отмахнулся Михаил, понимая, что этот раунд остался за младшим поколением и неприступный бастион его имени вот-вот выбросит белый флаг, но сдаваться так просто он был не намерен. – Дурдом какой-то, блин,

вы меня с мамой до цугундера доведёте.

– Ты чем-то недоволен? – донёсся с кухни бархатный голос жены, пропитанный литром ядрёного уксуса. – Всем недоволен! – рявкнул в ответ Михаил, дочка испуганно вздрогнула. – С каких пор ты начала перекладывать ответственность на ребёнка, а, дорогая?

Ответа он не дождался, только кастрюля по плите загромычала в два раза громче, будто мифический великан, стуча черпаком по дну посуды, то ли вычерпывал бульон, то ли выбивал приклеившиеся макароны.

– Ладно, стрекоза. – Михаил развернул дочь на сто восемьдесят градусов. – Иди, собирайся, заедем мы за твоим зверем. Брату скажи, чтобы не копался, и предупреди: не оторвётся от компьютера через три минуты, я его ноутбук выкину на помойку.

Радостно кивнув, дочка метеором ускакала в детскую. Скрипнув зубами, Михаил ударил кулаками по коленям. Боль немного отрезвила. Размяв пострадавшее место, отец семейства прямо в уличной обуви протопал к кухне. – Так, дорогая, если не хочешь ехать, можешь сидеть дома, тебя никто не заставляет морозить задницу. Соберёшься с нами – попрошу гонор свой придержать, четыре часа побудь на людях пай-девочкой! А теперь я жду ответа: ты едешь или нет? – добавив в голос каменных крошек, спросил Михаил.

– Еду. – Бросив мучить несчастную продукцию фирмы, которая уже задолбала думать о нас, жена отвернулась к ок-

ну. – Каждый сам творец своего счастья.

– Ты это к чему сейчас сказала? Намекаешь, что нашла своё счастье без нас? И давно, позволь узнать?

– Тебе ли не всё равно? – пожала плечами Наталья. – Не бойся, истерики устраивать не стану. А так... понимай как знаешь.

Побузив взглядом напряжённую спину, Бояров, словно бросаясь в тёмный омут с головой или пересекая заветную черту, которая обрезала любую возможность возвращения назад, тяжело обронил:

– Вечером, дорогая, я с тобой отдельно поговорю.

Надоела семейная жизнь со мной – ты знаешь, я тебя не держу. Собирай манатки, забирай машину и вали на все четыре стороны. Ключи от квартиры оставить не забудь, впрочем, оставь себе на память. Замки я сменю, и да, с наступающим восьмым марта, дорогая.

Будто вынырнув из ледяной проруби, весь покрытый мелкими морозными мурашками, Михаил проскрипел паркетом в прихожую. Он не мог припомнить, где и когда между ним и Натальей пробежала треклятая чёрная кошка разлада. Трещина в семейной жизни разрасталась на глазах, главное, ему никак не удавалось понять, чем недовольна супруга. Вроде всё у них есть. Быт устроен, деньги водятся, кое-что удаётся откладывать в кубышку, а не перебиваться, как некоторые, от зарплаты до аванса. Жена и дети обуты, одеты, через год по Таиландам и Вьетнамам ездят, осенью Наталье машину

купили. Ладно, в январе был момент, когда вся автоколонна и налаженная жизнь на волоске висели, но, слава богу, пронесла лихая.

Сам Михаил неожиданно пошёл на повышение, Полякова таки сняли и на освободившемся кресле главного механика «женили» Боярова, а там и до зама генерального рукой подать. Оклад сразу подрос на десять тысяч рублей, а на него, не забываем, накручиваются остальные выплаты, так что прибавка к семейному бюджету получилась солидной. Наталья и сама получала неплохо, но Михаил никогда не разевал роток на зарплату жены, оставляя её деньги ей же «на шпильки». Видимо, где-то здесь и порылась собака. Хотя чёрт его знает, где псина копалась. Свербела у Михаила в голове одна мысль-догадка, от которой в организме сразу ощущается дефицит кальция, но признаться самому себе, что рога мешают входить в квартиру, оказалось выше собственных сил мужчины. В постели как раз у Бояровых всё вроде было очень даже неплохо, но Михаил интуитивно, шестым чувством чувствовал растущее отчуждение и отдалялся сам. Отдалялся не из-за неприятия супруги, а из-за вечного колеса: работа, калымы, подработки, командировки. Будь оно всё проклято! Дома он не жил, скорее бывал набегами, стараясь лишнее время уделить детям.

Нет, Бояров не примерял на себя ангельские нимб с крыльями, да и рога с хвостом ему цеплять рановато и не с руки. Грешен в меру. Как все. Не сосчитать, сколько раз он

пытался объяснить с женой, да и она делала попытки навести мосты, останавливаясь на полпути, съедаемая червячком сомнений, ему же просто не хватало на всё времени, да и шоры, опущенные на глаза, и привычка видеть в доме надёжный тыл, как и трусливое желание оттянуть неприятный разговор, делали своё грязное дело. Делали до тех пор, пока не стало слишком поздно. Как итог, семья рушилась на глазах. Дети почувствовали раскол, неожиданно для Натальи приняв сторону отца. Наталья от этого бесилась, что пагубно сказывалось на попытках склеить треснувшую чашку. Просто сегодня, в аккурат к международному женскому дню, соломинка сломала спину верблюду.

Сам он к тридцати пяти не обрюзг, нарастив пивной живот. Чего не было, того не было и в помине. Несмотря на не такое уж частое посещение спортзала, по утрам в зеркале отражался подтянутый мускулистый мужик ростом за метр восемьдесят. Серые стальные глаза придавали суровый налёт светловолосой, типично славянской физиономии, украшенной парой шрамов. Один шрам примостился на лбу, взбугрив розовую полоску в форме полумесяца почти у линии роста волос. Вторая «ошибка молодости» – молниеобразный жгут, сбегаящий к шее, вспахал левую скулу. Есть ещё шрамы после удаления аппендицита и на левой ноге, но последних под одеждой не видно.

Говорят, что шрамы украшают мужчину, но Михаил не любил вспоминать, где и когда он заработал «украшения» на

лице. Дурость то, собственная дурость. Студентом по пьяной лавочке удаль показывал молодецкую. С тех пор Михаил Павлович Бояров ни разу в жизни не перебрал строго отмеренную самому себе норму в четыре рюмки «беленькой», по возможности вообще отказываясь от употребления оной под любым благовидным предлогом.

С нижней конечностью и проще, и сложнее: незапланированным украшением она обзавелась пять лет назад.

Нога попала в капкан клыкастой пасти кривоногого соседского бультерьера. Здесь именно тот случай, когда внешне флегматичное животное в один миг внезапно немотивированно показывает дикий необузданный хищный нрав. Никто не ожидал, что тупоносый кобель, выпрыгнувший из тормознувшей у подъезда машины, с ходу набросится на ближайшего к нему человека, оказаться которым тогда не повезло Михаилу.

Если кратко, пёс после удара по спине кирпичом, вырванным из декоративной клумбы, строго по канону отправился на небеса или куда там отправляются души убитых собак, а жертва нападения и хозяин собаки – в травмпункт. Один с изодранной ногой, второй со сломанным носом и выбитыми зубами. Потом было разбирательство, суд и превращение некогда добрых соседей в непримиримых врагов. Вражда длилась больше трёх лет, пока собаковод, винивший во всём убийцу любимого пса, не купил квартиру в другом районе города и не съехал на новую жилплощадь. Ради спра-

ведливости стоит заметить, что Бояров не перестал любить собак из-за одной паршивой овцы в лающей своре. Ничего не поделаешь, если у четвероного друга человека хозяином оказался натуральный козёл, искусно маскировавший свою настоящую сущность.

– Я поеду, – выйдя из кухни, не глядя на мужа, сказала Наталья, на что Михаил поставил себе мысленную отметку.

Оставалось понять, к худу это или к добру.

– Хорошо. Дети, поторапливайтесь!

– Одну минуту, пап! – чем-то загромыхала в детской дочь.

Сын ничего не ответил, через несколько секунд ввалившись в прихожую с рюкзаком за спиной, в который он предусмотрительно сложил несколько фонарей и железный термос с горячим чаем. Любительница живности и донских котят также не заставила себя ждать. Прыгая на одной ноге и двумя руками прижимая к животу кошачью переноску, она ворвалась в прихожую уже при полном параде, обмундированная в закамуфлированный туристический костюм в стиле милитари, за исключением левого берца, который уютно пристроился между курткой и переноской.

– Я сейчас, – кинув на пол переноску и обувь, мелкая егоза уместилась на банкетке, – только обуьсь.

– Господи, – про себя прошептал Михаил, за минуту успевший позабыть о грядущем пополнении домашнего зоопарка, настолько короткий разговор с женой выбил его из колеи. – Ещё и котята, чёрт побери.

– Папа! – не осталась в долгу Лиза.

Слух у девочки был отменный.

– Не ждите меня, – в дверях нарисовалась Наталья. – Я до поворота на своей машине доеду и там вас дождусь.

– Окей, – не стал спорить Михаил, вовремя вспомнив, что лично несколько минут назад просил жену побыть пай-девочкой, поэтому благоразумно проявил покладистость, изображая пай-мальчика. – Так, дети, обуваемся и на выход. Сын, это тебя касается, Лизе только бантик завязать осталось. Жду вас в автобусе.

Раздав ценные указания подрастающему поколению, он повернулся к жене:

– Можешь не торопиться, дорогая, нам всё равно за покупкой заезжать и целую кучу народа у КПП дожидаться.

– Я не поняла, кого ещё в лес понесло?

– Фурсовы, Гриша Басов с девчонками и твой разлюбимый Коля с детьми, он полчаса назад звонил и на «хвоста» упал.

Поддёвка про Николая никак не отразилась на лице супруги, парфянская стрела пролетела мимо.

Подхватив сумку с маринованным мясом и двумя пакетами с древесным углём, Михаил шагнул за порог. За спиной сухо щёлкнул замок стальной двери. Остановившись, Михаил оглянулся назад, охватив взглядом задекорированную под дерево сталь, он никак не мог отогнать терзающее душу ощущение гибели уютной семейной жизни – призрака, ко-

торым она продолжительное время являлась. Никогда больше не будет так, как прежде. Незримая беда накатывала девятым валом, локальный апокалипсис семейной жизни грязным горным селом сносил последние преграды, и Михаил больше не находил в себе сил бороться с неизбежным. Он устал держать Наталью возле себя, ломая жизнь ей и себе. Как он раньше не разглядел в жене кукушку? Хватит, пусть катится... Пусть чёртов мир катится ко всем чертям с Натальей или без. Детей он сам поставит на ноги и выведет в люди, остальное несущественно.

– Да, Наташ, в кои-то веки соглашусь с тобой: каждый сам кузнец своего счастья. Плохо, что у нас не сковалось, а расковалось.

* * *

– Фу, доча, – приняв в руки мяукающее чудо, Михаил скептически рассматривал приобретение. – Разве это кот? У него же хвост крысиный.

– Ничего ты не понимаешь, папа, – не соглашалась с мнением отца дочь, истово отстаивая свою позицию, – он прикольный. Смотри, какой он бархатный, и тёплый, и ушастенький! Какой хорошенький, гляди, какие пальчики на лапках длинные.

Поглядывая на невозмутимого Михаила и выплясывающую на месте девочку, хозяйка ушастого чудовища тонко

улыбалась.

– Котёнок ест всё, к когтеточке и лотку приучен, я вам в пакет из старого лотка немного наполнителя насыпала, высыпите в свой лоток. Кошки выбирают туалет по запаху.

После чего Инга Васильевна, как представилась разводчица сфинксов, отдала документы и стала рассказывать внимательно слушающей девочке, когда и чем лучше кормить котёнка, когда его кастрировать (если вдруг такая кошунственная мысль вдруг посетит головы хозяев), когда прививать. На минуту скрывшись в глубине квартиры, она вынесла покупателям несколько погрызенных игрушечных мышек и резиновый шарик-пищалку:

– Пожалуйста, возьмите, это его любимые игрушки.

– Ой, какая хорошенькая кошечка! – умилилась Лиза выбежавшей к гостям кошечке черепахового окраса. – Вы её тоже продаёте?

– Нет, – махнула рукой хозяйка, – она с дефектом.

Могу за символическую сумму в тысячу рублей отдать, котёнок от других производителей. Подружка пожалела, оставила... Я вот взяла на передержку, пока они в отлёте.

Ирина будет рада, если котёнок найдёт хозяев.

– Разрешите спросить, – передавая мышек и шарик дочери, Михаил решил задать мучивший его вопрос, – а почему вы не говорите кличек котят?

– Вы сами должны их называть. У клуба есть правило: мы озвучиваем только первую букву будущего имени, но если

вы не собираетесь состоять в клубе, то вам не обязательно ему следовать, тем более правило не касается черепаховой девочки из-за того, о чём я сказала до этого.

На неискушённый взгляд Михаила никаких дефектов в мелком недоразумении не наблюдалось. Такое же лысое ушастое чудовище, только без колокольцев под хвостом. – А мы не на разведение, – преисполнилась энтузиазма Лиза. – Пап, давай возьмём!

– Доча, мы вроде за одним зверем приехали, куда нам ещё одного?

– Пап, давай возьмём, – заканючила Лиза. – Я её Маше подарю, у неё через неделю день рождения. Она тоже хотела котёнка сфинкса, а денег на породистого у дядь Вити нет.

– А дядя Витя знает о сюрпризе?

– А мы ему не скажем, – беспечно отмахнулась Лиза.

– Действительно, о таком лучше не говорить, как бы Виктора удар от таких новостей не хватил, и полетите вы с Машей и котёнком с порога в свободное плавание в направлении, заданном Витиным пинком.

– Ну, пап, – аргументов у дочери не осталось.

– Себе кошку мы не оставим, за неделю ты должна найти ей хозяйку или хозяина. Мне всё равно, кто это будет, Маша или кто ещё из твоих подружек. Не найдёшь, лично вернёшь котёнка Инге Васильевне, тебя устраивают условия? – нависая над дочерью, строгим голосом, выделяя каждое слово, озвучил решение Михаил.

Елизавета взглядом пообещала, что она в лепёшку разобьётся, но не оставит кошечку без любящих хозяев. – Инга Васильевна, вы на таких условиях...

– Да-да, – с ярко выраженным сомнением и скепсисом согласилась хозяйка, перебив Михаила.

– Хорошо. Договорились, – Михаил подхватил прильнувшую к его ноге мелкую хвостатую проблему и сунул её за пазуху.

Пошебуршав пару мгновений, тёплый комочек громким тархтеньем начал доказывать окружающим, что он кошачьего роду-племени, а не ушасто-крысиное недоразумение. Отдав деньги за котят, Михаил легонько подтолкнул дочь к выходу.

– Спасибо, пап, – прижимая к себе утеплённую переноску с питомцем, обрадовалась Лиза.

– Неделя! – напомнил условия Михаил, глубоко в душе сам не веря своим словам.

Что-то подсказывало ему, что котята, как погорелец Васисуалий Лоханкин, пришли навеки поселиться, слава всевышнему, что без одеяла и любимой книги.

– Так, стрекоза, ну-ка мухой дуй в машину, мы тут с тобой лишка подзадержались, как бы нас мама не потеряла.

– Ага. – Перепрыгивая через ступеньку, Лиза припустила вниз, будто боясь, что её лишат переноски.

– Голову не сверни!

– Тут всегда так много народу? – чванно поджала губы Наталья, надменным взором окидывая импровизированную автостоянку.

– Предпраздничный день, чего ты хочешь, – пожал плечами Михаил. – Ты бы ещё дольше собиралась.

Удостоившись презрительного фырка, Михаил предпочёл не развивать тему, иначе заключённое с женой джентльменское соглашение изображать пай-девочку имело все основания пойти прахом. Политика – это искусство возможного, а вот что женщине может прийти в голову в следующую секунду, ни одним возможным вариантом не опишешь.

– Действительно, многовато пипла. Как плотину прорвало сегодня, студенты какие-то, дети. Так, нам туда. – Ткнув рукой Григорию Басову в сторону старого вахтового вагончика, видневшегося за соснами, Михаил достал из багажника сумку с мясом и углём, поясняя на ходу: – За вагончиком мужики беседку соорудили, и вид на распадок оттуда обалденный.

– Ага, самое главное, толпы не слышно, я уже заценил, – громыхнул раскладным мангалом Григорий. – Гляди, вот, прихватил. Я тут на досуге подсчитал, что твоего обещанного стационарного ящика может не хватить.

Ртов-то у нас до ядрёного ореха, хрена в урожайный год

прокормишь. Вся китайская деревня собралась. А этот когда успел прицепом пойти? – Григорий пренебрежительно стрельнул взглядом в сторону Николая Топорукова.

– Не любишь ты Колю. – Уперев ладони в поясницу и разогнувшись, Михаил звонко хрустнул позвонками. – Жопорукый не сто баксов, чтобы его любить.

Михаил ничего не ответил. Где-то он даже соглашался с Гришей касаясь жопорукости старого, ещё школьного друга.

Если разобраться, положи руку на сердце, друзей у Боярова было раз-два и обчёлся. Вот именно, раз и два:

Николай, с которым Михаил плотно знался с первого класса, и Григорий, с которым его свела нелёгкая армейская служба. Приятели и хорошие знакомые вкуче с институтскими корешами в расчёт не берутся, тех пруд пруди, не касаясь шапочных знакомств. А друзей... настоящих друзей, пожалуй, что один Гриша.

Николай-Коля-Колян, закадычный школьный друган, не был тем, кто ради другого человека бросится в огонь и в воду. Через призму прожитых лет сейчас была ярко видна его ведомая роль, где ведущий его постоянно защищал и покрывал с первого по одиннадцатый класс. Институт и армия на некоторое время развели дороги друзей, даровав языкастому и харизматичному Николаю Топорукову возможность выйти из тени немного нелюдимого друга и показать себя во всей красе – эдакого успешного мачо и любимца женщин.

Практически все учителя в школе и ученики отдавали

пальму первенства и палочку лидера вечному заводиле Топоркову, но Маргарита Семёновна, старая, убелённая сединами преподаватель русского языка и литературы, бесслесный классный руководитель проблемной парочки, ни дня не обманывалась на их счёт. Где бы что бы ни случилось по вине шалопаев или из-за их тени, мелькнувшей на горизонте, Маргарита Семёновна тихо отзывала в сторону Михаила и проводила ему внушение. Опытный педагог с многолетним стажем и неплохой психолог-самоучка с первого взгляда определила, что «брехливая собачка», так она однажды совсем непедagogично выразилась о Николае, нашла надёжный забор, который не только не выдаст, но и в зубы даст при случае. В старших классах она сетовала Михаилу на выбор друга, окольными путями, дабы не повредить детскую психику, намекая парню, что в их дуэте дружит он, другая половина пользуется дружбой. Когда-нибудь Топорков подведёт своего товарища под монастырь.

Кроме общей ненадёжности, которую Михаил в упор не замечал, был у Николая ещё один недостаток, не замечать который не получалось. Школьный друг умел делать всё, особенно работать языком, а с работой руками вышел незатык. Иносказательно говоря, при работе с инструментом плечевой пояс Николая оказывался в районе тазовых костей, о чём неоднократно заявлял вечно красноносый школьный трудовик, Михаил Потапович Хвиль, носивший говорящую за себя кличку – Хмель. Вечно находясь под мухой или подшофе

лёгкой степени, Хмель не терял ума и золотых рук, росших у него из правильного места. Трудовик органически не переваривал неумех, являясь вторым преподавателем в школе, неоднократно пытавшимся открыть Боярову глаза. Тщетно, юность не приемлет авторитетов.

Григорий Басов, которому бы куда больше подошли фамилии Ли, Ким или Пак и какое-нибудь корейское имя, был невысок, плотно сбит, круглолиц, плюшево-вальяжен и вечно по-корейски невозмутим, но иногда его заклинивало, как сейчас. С Григорием Михаил подружился в армии, когда тот ещё был тонок и звонок, как-то на пару с ним угодив на гауптвахту за пропуск на территорию части «неустановленного лица». «Лицо», в принципе, было установленным и являлось женой командира.

Попробуй это «личико» не пропусти – грехов не оберёшься. Кто же знал, что грехи навешивают и за обратное? Какие тёрки возникли между супругами, караульным было невдомёк, но озверевший комбат законопатил провинившихся на батальонную «кичу». Там-то «холопы с трещащими чубами» выяснили собственный земляческий статус с расстоянием отчих домов в триста метров друг от друга. То-то радости было! Один город, только районы разные с границей по бульвару.

Как говорил Григорий, он – плод пламенной любви севера и востока. Папа русский, с обильными вливаниями украинской и татарской крови, а мама чистокровная корейка,

одарившая сына внешностью выходца из Страны утренней свежести. Они встретились, восток и запад, юг и север. Стоп, север и юг из уравнения исключаем.

В принципе, если верить словам плода русско-корейской любви, ему было грех жаловаться. Мама любила папу, папа любил маму, оба родителя души не чаяли в детях, папин ремень и нудные мамины нотации не в счёт, как и выматывающие уроки иглоукалывания – навыка, издревле передающегося по маминой линии из поколения в поколение; но для полного счастья корейскому парню с русской фамилией ещё бы папин рост, и можно сказать, что жизнь удалась. Папа у дитя двух народов имел косую сажень в плечах, да и росту он был под притолоку, спичечного коробка не дотянув до двух метров. Мамины метр пятьдесят с кепкой заканчивались где-то на уровне пупка папы, а сын застрял посередине – маму перерос, до отца на голову не дотянул.

Не надо большого ума, чтобы догадаться о взаимной неприязни, с первой встречи, возникшей между двумя друзьями Михаила. Тактично умолчав о собственных выводах и неприятных впечатлениях, Григорий сердцем, можно сказать нутром, не принял Топорукова, с ходу разглядев гнильцу и прилепив тому старое, покрытое пылью лет школьное прозвище, о котором Николай почти позабыл за давностью лет. Видимо, его гнилую натуру от острого глаза не скроешь. Вот и сейчас яд соскользнул с языка, смачно облепив неприятный образ.

– Да плюнь ты на него, – имея в виду Николая, отмахнувшись Михаил сумкой, внутри которой приглушенно звякнули шампура.

– Миша, друг мой лепший, ты глаза-то разуй. Твой школьный дружок... таких друзей за шланчик и в музей, вокруг Наташки ужом вьётся, – бросив свою ношу у беседки, остановился Григорий. – Ты глянь, как он попку отключил в позиции хорошего парня. Как бы слюной не подавился. В общем, это не моё дело, тебе виднее, но что я хотел сказать...

Григорий кашлянул. Сплюнул. Сплюнул ещё раз и скомканно закончил:

– Просто я тебе по-дружески советую... тьфу, и советовать не буду, короче, смотри сам. Не маленький.

– Хорош, Гриша, плевать я на них хотел...

– Стоп-стоп, я не понял, – и без этого узкие глазки превратились в тонкие щёлочки-полумесяцы. – Только не говори мне... Ты серьёзно?

– Заявление на развод ещё не подавал, – решил не хитрить Михаил. – После праздников займусь.

– Охренеть, – замер в ступоре Григорий.

– Прошла любовь, завяли помидоры. Пришёл развод и девичья фамилия, – Михаил неуклюже попытался перевести неприятный разговор в шутку, но с юмором не задалось.

– Ты дяденька взрослый...

– Вот именно, завязывай, Мамай, без тебя тошно, – армейская кличка друга припомнилась к месту.

– Как скажешь, больше в душу не лезу. Зови моего охладмона, мы тут сами как-нибудь, а ты пока с мелкими в пещеру прогуляйся. Рукожопа можешь под землёй оставить.

Михаил тактично придержал хмык, искоса наблюдая за пылкими взглядами, которыми обменивались его, считай, бывшая жена и теперь уж точно бывший друг, когда думали, что их никто не видит. Мысль прикопать в тёмном отнорке подземного царства кое-кого из присутствующих в настоящий момент казалась заманчивой и не лишённой мстительных оснований. Жаль, свидетелей много. Так на склоне лет познаётся, что друзей-то у тебя и нет. Есть один, а с прочими окружающими тебя связывают отношения – деловые, приятельские, горизонтальные и вертикальные, а вот дружбы как таковой и нет. – Пусть Стас прогуляется с нами, – проглотив нить размышлений, внёс предложение Михаил.

– Неделю назад мы здесь были.

– Блин, когда вы успели?

– Когда ты в Новосибирске в командировке обретался. Что истуканом встал? Давай поторапливайся, гони Стаса сюда. Поучу наследника с мясом обращаться, а то коснись чего, он же ничего, кроме мыши и клавиатуры, не знает и не умеет. Совсем от рук отбился. Второй рукожоп на мою голову растёт. Иди-иди, не мешайся, займись делом.

– Дочку тоже к тебе гнать?

– Нет, Маринку забирай. Они с твоей юлой не разлей вода, больше рёва будет, чем помощи.

– Ладно, ладно, пойду, прослежу за детским садом. Как бы они ноги там в пещере не переломали, спелеологи доморощенные. И котят из машины заберу, иначе замёрзнут к чертям.

– Делать бабе было нечего, – сверкнув щёлочками глаз, расплылся в добродушной улыбке Григорий. – Поросёнка бы взял, хоть выхлоп какой-то. Сало, мясо. Кабанчика на крайняк на вертел насадить можно. Куда ты крысьё своё денешь?

– У меня внутренние карманы у куртки большие. Ничего, посидят полчаса. Не обоссут, надеюсь.

– Надейся.

* * *

– Пещера Ореховая имеет несколько неофициальных, можно сказать эндемичных названий, официальное имя ей ещё не присвоено, так как краевое правительство объявило конкурс, и вы тоже можете поучаствовать в нём, выбрав из десятка предложенных названий, или же подать собственную заявку, – взяв на себя роль добровольного экскурсовода, Михаил вскорости собрал вокруг своей персоны целую толпу.

Он сам не ожидал, что его рассказом заинтересуются окружающие. Глубокий, отлично поставленный баритон мужчины дробился об острые своды третьего зала, тихим эхом разносясь по подземелью. Ещё у самого входа в цар-

ство гномов Михаил, уступая настойчивым просьбам дочери и сына, принялся рассказывать об истории открытия достопримечательности. Через минуту к куцей стайке детишек и нескольких взрослых присоединился целый класс с классным руководителем, за ними какие-то студенты, разбитная компания которых то и дело озаряла сказочные чертоги фотовспышками. Молодые люди не столько слушали лектора, сколько делали селфи на фоне того или иного кристалла или сверкающего сталактита, покрытого ледяной изморозью. Впрочем, разбитной молодёжи стоит отдать должное: парни и девушки вели себя достаточно тихо, а вспышки телефонных светодиодов можно было пережить.

– Как я уже говорил ранее, пещера Злое... э-э, на этом названии, пожалуй, мы не будем акцентировать внимание, скажу только, что так её поименовал первооткрыватель, когда с экскаватором ухнул в дупу.

– А Дупа тоже из эндемических имён? – хихикнув, ехидно спросил один из школьников.

Встретившись взглядом с классной руководительницей молодой ехидны, Михаил чуть сквозь землю от стыда не провалился. Давно его так строго не отчитывали. Ни одного слова не сказано, но такая палитра во взгляде, что невольно ощущаешь себя виновным во всех грехах.

– Да, – всё же ответил на вопрос Михаил, – но предлагаю остановиться на Ореховой, названной так в честь сопки, на склоне которой обнаружена пещера, и одноимённой пади.

Продолжим, вход в неё располагается на скалистом склоне, от него длинной кишкой отходит подземная галерея, заканчивающаяся гротом или первым залом, далее пещера раздваивается на два этажа. Мы с вами сейчас находимся в третьем зале второго этажа, который на сто семьдесят метров удалён от входа, далее, если есть желающие, они могут на карачках пролезть в четвёртый зал, искупавшись там в подземном озере. Хотя я не советую, вода ледяная. Замёрзших цуциков я через лаз не протащу обратно, так что помирайте тихо. Из четвёртого зала ведёт ход в пятый – самый большой зал пещеры. Так как никто из нас не имеет экипировки и соответствующих навыков, вам остаётся поверить мне на слово, а я вам без наценки продам то, что лично слышал от московских спелеологов, обследовавших пещеру. По их словам, в пятом зале смыкаются первый и второй этажи. Кстати, на первом этаже три зала, все с небольшими озёрами, а пятый зал второго этажа, он же четвёртый первого, носит название общего, он примерно сорок метров длиной и около пятнадцати метров шириной. Озеро в центре пятого зала уступает озеру Мокрушинской пещеры в Приморье. По оценке москвичей, площадь водной поверхности примерно двести квадратных метров, глубину они не измеряли, впрочем, даже без этого наше подземное царство можно смело причислить к самой крупной пещере на пространстве от Байкала до Тихого океана. А теперь желающие насладиться красотами могут...

– Ой! – донесся с дальней стороны обиженный женский возглас. Узкий луч фонаря, поддержанный размытым пятном мобильного, заплясал по полу. – Тут какая-то сволочь нагадила! Тьфу, свиньи!

Михаил хмыкнул, пробежавшись взглядом по гнусным ухмылкам детворы, и зажёл второй фонарь.

– Кх-м, так, господа-товарищи экскурсанты, леди и джентльмены, кристаллы не отбиваем, сталактиты не курочим, ходим только по ограждённым лентами дорожкам, руками никуда не лезем, и смотрите под ноги, а то, не ровен час, наткнётесь на продукты жизнедеятельности человека. Хорошо если не вляпаетесь, как девушка с мобильником. Самое главное, простите за мат-полумат, не срать в тёмных углах! Кого поймаю за подобным, прости господи, прошу не обижаться, заставлю голыми руками убирать за собой! Плевать мне, что ваш папа генеральный прокурор Гондураса, а мама – внучка президента Зимбабве. И персонально для студентов: на носу себе зарубите, на первый этаж пещеры не лезем! Там специально для таких профессоров Челленджеров ограждение и щит поставили. Запоминаем: спасатели отсюда далеко, им плевать на вас, поэтому ваши остывшие трупы на свет божий вынесут нескоро, если вообще вынесут. Это же касается и вас, мальчики и девочки, я дважды повторять не буду.

Михаил некультурно ткнул пальцем в школяров.

– Завалит кого в проходе, потом маме и папе не жалуй-

теть, что вас не предупреждали, хотя мертвецы на диво молчаливы. Вам – шалости, родителям – горе, а учителю – казённый дом с зарешеченными окнами, за то, что недоглядела. Пожалейте классную, если себя и родителей не жалко. Здесь безопасная зона, поэтому не портите себе и другим праздник. Всем всё понятно? Раз понятно, тогда добро пожаловать в пещеру Ореховую.

– Она же дупа, – за спиной учительницы сострил невидимый остряк.

– Солнцев! – учительница на слух опознала юмориста.

– Что сразу Солнцев?!

– Дорогой, – плеча Михаила коснулась ухоженная женская рука.

– Да, дорогая? – обернулся он к супруге.

– Дай мне фонарик, а то у моего аккумулятор садится. Мы с Катей прогуляемся наружу, чтобы ты нас по тёмным углам и отноркам не ловил, да и насмотрелись мы уже, надоело.

– Хорошо, – переглянувшись с Катей Фурцевой, Михаил отдал Наталье один из запасных фонарей. – Мы тоже скоро пойдём, а то шашлыки остынут. Сын, дай тётке Кате свой фонарь, а себе заberi её. Твой лучше светит. Нехорошо будет, если мама и тётя Катя где-нибудь навернутся сослепу.

Сашка нехотя поменялся фонариками: наследник давно уяснил, что пререкаться с отцом чревато. Впрочем, спорить и возмущаться он не торопился. Зачем, когда в рюкзаке лежит ещё несколько фонариков и запасных комплектов бата-

реек? Сашка по жизни был запасливым хомячком.

Забрав фонарь, жена ушла.

– Не бойся, мы не заблудимся и на первый этаж не полезем, – наказав детям слушаться отца и ни на шаг не отходить от последнего, усмехнулась на прощанье Наталья.

Не успели Николай Топоруков и Михаил расставить отпрысков для коллективного снимка на фоне лаза, ведущего к четвёртому залу, как до ушей всех присутствующих со стороны входа в пещеру донёлся нутряной, вызывающий мурашки человеческий крик – резкий, пронзительный, словно кричащего пилили тупой пилой или жгли раскалённым железом. Застыв на одной ноте, этот не крик, а скорее обречённый животный вой, резко оборвался.

– Мяу! Мяу! – ударив по ушам в наступившей тишине, одновременно зацарапались котята во внутренних карманах куртки.

– Так, дети, сидите здесь! – приказал Михаил. – Николай, за мной!

– А что нам делать? – из-за темных каменных колон, подсвечивая фонарями, показались перепуганные школьники во главе с учительницей.

– Будьте здесь, мы за вами вернёмся. Коля, не спи, шевели мослами!

Тишина давила. Скрывшись за подрагивающими лучами фонарей и обмотавшись мантией тьмы, она всей массой шорохов, сдавленным учащённым дыханием, который подгоняет адреналин в крови, давила на психику.

Каждый шаг, скрежещущий по каменной крошке, каждое эхо перепуганных детских голосов, долетающее из враз помрачневших глубин пещеры, словно пенопластом по стеклу или наждачной бумагой чесали по оголённым нервам.

Михаил весь превратился в слух, выверяя каждый шаг и предварительно заглядывая за каждый каменный выступ или поворот извилистого хода, соединяющего второй и первый залы.

– Что там? – Странно было слышать в густом мужском басу дрожащие нотки.

– Ничего, Коля, пусто. Не ссы, прорвёмся. – Михаила крайне нервировал Николай, отчаянно пыхтящий позади.

И так нервы что-то ни к чёрту, так ещё этот мастодонт добавляет.

Остановившись перед выходом в первый зал, из которого до входа вела прямая кишка, Михаил посветил фонариком в сторону школьного друга. Вид Николая не впечатлял: здорovenного мужика сковал страх. И так чувствуешь себя засунутым прямиком в дешёвый голливудский ужастик, в ко-

тором безмозглые герои прутся не пойми куда, так ещё помощничек абсолютно не вызывает доверия. Кто бы знал, что Топоруков для разведки не годится от слова совсем. В горы с таким, а тем паче в гору, лучше не ходить. Пацаном он смелее был. Интересно, куда всё с возрастом делось?

Топоруков не шёл – тащился, волоча за собой ноги.

Вот он споткнулся о какой-то торчащий из каменной тверди наплыв и сам себе засветил фонарём в лицо.

Ослеплённый, вместо того чтобы остановиться, он сделал несколько торопливых шагов вперёд, всем телом налетев на Михаила и чуть не сбив того с ног.

– Твою... Осторожно! – охрипшей змеёй прошипел Михаил, схлопотав локтем в ухо.

– Я... – залепетал Топоруков.

– Головка немытая! – вызверился Михаил. – Топор, смотри, куда прёшь. Иди вперёд, я за тобой.

– Не пойду, – посиневшими губами прошептал Николай. – Я вообще темноты и пещер боюсь! Какого икса я с вами... с тобой... зачем я сюда попёрся?! – скатился он в натуральную истерику.

Навалившись на ледяную стену, Топоруков замер, как вкопанный, всем своим видом показывая, что отсюда его бульдозером не сдвинуть. Если только бездыханное тело выволочь. Дышал он с задержками, с присвистом выдавливая воздух из лёгких, зрачки его расширились, из-за чего казалось, что чёрная пелена полностью заволокла глаза.

– Япона мама, – досадливо сплюнул Михаил.

Никтофоба⁴ ему сейчас как раз для полного блезира не хватало, да ещё с отягощённым клаустрофобией анамнезом.

– Дурдом на выезде, б. . . , ладно, сиди здесь.

– Нет! Я с тобой!

Покрывшись мелкими бисеринками пота, Николай с трудом отлип от стены. Перспектива остаться одному во враждебной пещере его совсем не вдохновляла. Находясь в метре от школьного товарища, Михаил смог разглядеть вставшие дыбом волоски на кистях рук и запястьях, торчащих из рукавов камуфлированной куртки. Николая потряхивало, мышцы его лица подёргивало в произвольном порядке, крылья ноздрей широко раздвинулись, а губы конвульсивно двигались, как у человека, который задыхается.

– А ну успокойся! – хлёсткий звук пощёчины вспорхнул под каменные своды. – Успокойся, я сказал! – второй смачный шлепок по левой щеке остановил безостановочное вращение глаз. – Ты меня, сука, бойся! – Михаил ещё раз, с оттягом, от всей души вмазал по левой щеке клаустрофоба, долгое время скрывавшего свою фобию. – Я тебя здесь закопаю, если ты, падла, сейчас в себя не придёшь. Я тебя, урюк сушёный, собакам скормлю.

Николай ссутулился, втянув голову в плечи и выставив перед собой руки в защитном жесте. Старый друг, оскаленное

⁴ Никтофобия – боязнь темноты, ночи. Является самой распространённой фобией среди взрослых и детей.

в гневной гримасе лицо которого было подсвечено снизу фонарём, казался намного страшнее окружающей тьмы и замкнутого пространства. Надломленная психика нарисовала настоящее чудовище, готовое сожрать любого встречного. В отличие от человека, котята донского сфинкса во внутренних карманах куртки Михаила вели себя на удивление тихо. Михаил знал, что школьный кореш трусоват, но требовалось дожить до седых волос, чтобы понять насколько. Трусоватый подлец. Тут он поймал себя на том, что, вмазывая бодрящие пощёчины, испытывал некое удовольствие и удовлетворение. – Успокоился?

– Да, да, да... Не надо больше...

– Вот и ладненько, а ты не доводи меня до греха, я и не буду. Слушай меня, Коля, и всё будет хорошо. Держись позади. Скоро мы выйдем на улицу, там солнышко, понятно? – как маленькому, говорил Михаил.

– Понятно, хорошо, я за тобой пойду.

– Шевелись! – рыкнул Михаил, делая шаг в первый зал.

– Что это?

Совершенно забыв о своих фобиях, Николай в три прыжка выскочил вперёд, протягивая руку к странному светло-неоновому свету, который заливал вход в пещеру и небольшой пяточок первого зала. Создавалось впечатление, будто какой-то придурок не от здорового ума вплотную подогнал машину ко входу в пещеру и врубил фары с ксеноновыми лампами.

– Не знаю. Придуривается кто-то, – зло отмахнулся Михаил, сжимая кулаки.

Свет быстро померк, словно безбашенный водитель сдал назад, освободив вход, или его заставили это сделать. Вполне вероятно, так оно и было на самом деле. Головы обоих мужчин посетила мысль, что повылазило на свет божий разных моральных уродов. А если бы этот больной на голову гад въехал в опорные балки, поддерживающие повреждённый экскаватором свод на входе? Всё, туши свет и бросай гранату. Около трёх десятков заживо замурованных человек обеспечено. Остаются вопросы: как быстро их откопают и как скоро они околеют от холода? Воды в подземельях в достатке, а вот с едой и дровами конкретная проблема. Батарейки и аккумуляторы в фонарях сядут за несколько часов, хотя в данном случае на освещении можно оставить один-два фонарика, при жёсткой экономии общей массы приборов хватит продержаться несколько суток, если не недель, только вопрос с отоплением остаётся открытым. Единственный способ согреться – это воспользоваться опытом антарктических пингвинов, когда птицы сбиваются в плотную толпу. – Гляди, кто-то тряпки разбросал, – вновь был первым Николай, направив луч фонаря на горку одежды, лежащую на пяточке, который несколько секунд назад освещали фары автомобиля. – И вроде подвывает кто-то, слышишь?

– Стой, – механически, будто маленького ребёнка, Михаил задвинул Николая за спину.

– Стою, ты чего, не бей меня! – заерепенился мужчина. – Я, я не пойду дальше.

Михаил же, как заколдованный, смотрел на женский зимний утеплённый костюм и не мог отделаться от мысли, что он знает, чья это одежда.

– Там фонарь и ещё тряпки! – Отошедший от нервической дрожи заспинный глазастик высмотрел вторую кучку тряпья и резко отпрыгнул назад. – Ой, она шевелится!

– Где?

– Белый валун у арки. Стой, ты куда? – едва не взвизгнул Николай в спину Михаилу, рванувшему к валуну.

Если с утеплённым костюмом Михаил ещё сомневался, то шмотки Натальи опознал с первого взгляда. Не разбирая дороги, он через несколько мгновений упал на колени у тоненько подвывающей, сжавшейся в комочек женщины.

– Наташа! Что за...

Жена испуганной ланью отпрянула от прикосновения, испуганными и бешеными искрами сверкнули глаза в луче фонаря Михаила.

– А-а-а! – пароходной сиреной взвыла супруга.

От резкого порыва ветра, заглянувшего в кишку пещеры, мумия в модных шмотках Кати Фурцевой осыпалась прахом. Только копна волос не пожелала становиться серым прахом, веером рассыпавшись под спортивной шапочкой с помпончиком.

– Боярин! – от страха Топоруков вспомнил школьное про-

звище друга.

Чувствуя стальные обручи, сдавившие грудь, Михаил дрожащими руками прижал Наталью к себе.

– Тише, милая. Всё, всё закончилось, я здесь. Видишь, это я, посмотри на меня, солнышко! – Обхватив пальцами подбородок женщины, он силой повернул её лицом к себе.

Крик резко прекратился, будто в лёгкие Натальи перестали подавать воздух, из её глаз медленно исчезало безумие. Осторожно, будто фарфоровую, поставив жену на ноги, Михаил повёл её к главному проходу пещеры. – А это Топор, узнаёшь?

– М-миша? Коля? – шумно сглотнув, повела глазами Наталья, тут её взгляд наткнулся на кучу одежды в десяти метрах от отнорка, куда она забилась ранее.

Пискнув раненой птицей, внешне хрупкая женщина с внезапно проснувшейся неженской силой оттолкнула Михаила и в несколько больших скачков подбежала к тому, что осталось от подруги, где вновь запричитала профессиональной корейской плакальщицей. В этот раз Михаил не стал останавливать жену, он по опыту знал, что просто бесполезно её трогать, пока она не выплачется. Присев на корточки рядом, он подобрал с земли золотое обручальное кольцо, слетевшее с рассыпавшейся в прах руки мумии. Окружающий мир перестал существовать, мгновенно сжавшись до маленькой точки.

– Как же так, Катя, как же так?! – китайским болванчиком

раскачивалась из стороны в сторону Наталья.

В то, что произошло непоправимое, Михаил поверил сразу. Интуиция, обливающаяся кровью душа, если хотите, твердили, что шуткой здесь не пахнет. Слишком жестокий розыгрыш для местных реалий, да и не подходил никто на роль шутников. Только ощутив боль утраты понимаешь, что все семейные неурядицы, и невысказанные претензии, и обиды – это мелочь, недостойная внимания. – Боярин, ты чего? – Николай непонимающе попинывал костюм Кати Фурцевой. – Что за хрень, Боярин? – Заткнись! – шикнул Михаил.

С трудом взяв себя в руки, Бояров напряжённо смотрел в сторону светлого абриса входа, нехорошая мысль-догадка овладела им. Через силу разлепив губы, он прохрипел:

– Топор, проверь мобилу, связь есть?

– Есть три «палки», плавает. Две «палки», одна, опять три.

– Набери Мамаю или кого-нибудь, кто у мангалов остался.

– Что?

– Что слышал, набирай! – уже догадываясь об ответе, грубо, не принимая возможных возражений, надавил Михаил.

Отвернувшись, он, по-прежнему сидя на коленях, аккуратно сгребал руками то, что осталось от Екатерины: нетронутая одежда и жирный пепел.

– Не отвечает... Что происходит?

– В городе кого-нибудь вызвони, скорую, полицию, сам

потыкайся в телефоне.

Результатом всех потуг были безответные гудки или механические голоса автоответчиков, твердивших о важности звонка.

– Где-нибудь на западе есть родня или знакомые?

– В Самаре и Воронеже, – названия городов были произнесены с заметной дрожью в голосе.

– Набирай, не бойся разбудить, если я прав, им уже пофиг.

И вновь безответные гудки в ответ.

– Боярин, мать твою, ты мне можешь сказать, что происходит? – сорвался на крик Николай.

От громогласного ора задрожали каменные своды и, забыв об истерике и причитаниях, подскочила перепуганная Наталья.

– Песец. Большой Песец происходит. – Чувствуя, как его разрывает на мелкие кусочки от внезапно нахлынувшей неизвестно к кому ненависти и ярости, Михаилу безумно захотелось сорваться и наорать на Николая, выплеснув весь гнев, что копился внутри. До этого толстокожего тормоза только-только стало доходить, что произошло нечто по-настоящему непоправимое. Усилием воли задавив гнев и уняв дрожь, Михаил прижал к груди голову Натальи. – Господи, что я Катькиному мужу скажу?

Втянув носом тонкий и такой родной запах женских духов, Михаил аккуратно отстранился от жены, с недоверчивым выражением на лице понюхал измазанные пеплом ладо-

ни. Станным в ситуации было то, что пепел не пах. То есть никак. Совсем. Или это просто игры обоняния и выверты психики, как ответ на ударную порцию шока всего организма? Замерев, Михаил некоторое время не шевелился, после чего решительно вскочил на ноги и бросил за спину, хлёстко, будто выстрелил:

– Ждите здесь. Головой за Наташку отвечаешь, понял?

– Но, я...

– Миша, не ходи, – попыталась его остановить жена.

– Жди здесь, – мягко высвободившись из женских рук, хрипло каркнул Михаил, шагая наружу.

Кто-то же должен идти, правильно? Понимание, что за спиной остались жена и дети, которым грозит вдовство и сиротство, если отец повторит страшную и незавидную участь Екатерины, не могло стать препятствием на пути добровольного разведчика. Не Жопорука же, право слово, в разведку посылать. Этот заяц от разрыва сердца в пятке на выходе из пещеры коньки отбросит. Не стоит брать лишний грех на душу. Да уж, иронично ощерившись, Михаил оглянулся на бьющий в спину подрагивающий луч фонаря Николая, сдохнуть от голода в холодной пещере – участь куда лучше, чем мгновенно превратиться в горстку пепла. Если опасность снаружи не миновала, все так и так умрут, только ещё живые окажутся обречены завидовать мёртвым, поэтому решение прошвырнуться по бывшему карьеру не имело альтернатив. Или-или, третьего не дано.

– Миша! – с надрывом прилетело в спину.

В первые мгновения солнечный свет ослепил, выбив из глаз непрошенные слёзы, но стоило солёной влаге подсохнуть под свежим мартовским ветерком, как за мутными размытыми тенями проступила картина произвольного погоста во всей её неприглядной красе. На ранее многолюдной площадке перед пещерой было пусто. Ни одной живой души, даже вездесущие воробьи и синицы предпочли оказаться как можно дальше от разбросанного то тут, то там тряпья, осторожно обходя останки в виде описанного выше непотребства, окружённого чёрными вуалями в виде размытых пятен на снегу от разнесённого ветром пепла.

Так, постепенно теряя благоговейный ужас и впадая в некий равнодушный транс, при котором следы чужих смертей начинают восприниматься неприятным дополнением к фону окружающего пейзажа, Михаил дошёл до мангала. Капая жирком на красные угли, вместо аппетитного аромата, вызывающего обильное слюноотделение, шашлыки распространяли вокруг запах палёной шерсти. С самого края мангала на нескольких шампурах с обугленными кусками мяса ещё можно было рассмотреть остатки вязаной шапочки Мамая. Сам плод любви востока и запада со своим потомком находились тут же, в том же виде, что и остальные участники трагедии, которым не повезло в момент кульминации оказаться на улице. Хоронить, честно говоря, нечего. Две бесформенные кучки тряпья, из которых порывами ветра выно-

сило чёрные шлейфы пепла.

Походя подивившись собственной чёрствости, равнодушию и холодному расчёту, которые незаметно затмили остальные чувства и эмоции, если не выморозив их, то загнав подальше в тёмный угол подсознания, Михаил pokrutil головой, механически прислушиваясь к окружающему миру. Где-то на задворках слухового восприятия на холостых оборотах лениво тархтела чья-то машина.

Тихое урчание легковушки дополнялось периодически утробными порывиваниями крупного зверя – со стороны невидимой отсюда просёлочной дороги доносились звуки двигателя большегруза. Движок невидимого авто то затихал, то рьяно подхватывал обороты, на весь лес стреляя глушителем, словно раздумывая, заглохнуть ему окончательно или поддать газку, в конечном итоге не решаясь ни на то, ни на другое. Недалеко настороженно стрекотали сороки, в отличие от лесных сплетниц, вороны не утруждали себя проявлением осторожности, грая иной раз громче пыхтящего на проселке грузовика. Вот несколько наглых птиц выметнулось из-за вагончика, неся в клювах куски маринованного мяса. Всё ясно, там была ещё одна группа отдыхающих...

– Прости, мужик. – Тяжело дотопав до урчащего на стоянке четырёхколёсного коня, Михаил, совершенно не испытывая никакого пиетета, бесцеремонно стряхнул останки незнакомого водителя на снег, следом выгрузив из карманов котят. Всяко неизвестному машина уже не пригодится, как

и его предполагаемым родственникам, если они не из тех, кто остался в пещере. В любом случае индивидуумы с претензиями пойдут лесом, а кто не согласится с маршрутом, отправятся полем. – Так, ребятки, посидите здесь, в салоне натоплено, так что не замёрзнете. Сиденья не драть... хотя делайте что хотите.

– Мяу! – возмущённо взвыл подарок дочке, которому и за пазухой неплохо сиделось.

В отличие от хвостатого напарника, его подружка перенесла выгрузку спокойно, тут же свернувшись компактным комочком.

– Крысохвостых не спрашивали, – отмахнулся Михаил, направляясь в подземелья.

– Ну, как? – табакерочным чёртом на освещённый пяточок выскочил нервничающий Николай.

– Что «как»? – опешил от напора Михаил.

– Мужики всех во втором зале собрали, народ на нервах, как на митинге. Дети эти ещё: «что там?» да «что там?». А что я могу сказать? Сижу на шухере, ни хрена не знаю.

– Мне мужики до лампочки, Наталья как?

– Успокоилась, я её к своей отвёл, девки её лучше меня успокоят.

– Да, Коля, я б сказал, что ты совсем мозгой зачах.

– Чего я зачах? – вскинулся Топоруков.

– Того, что башкой разучился думать, моча в голову ударила, елдой всё больше размышляешь. Бабу после стресса

к бабам отвёл, революции захотел? Это ты молодец, умница мальчик. Хвалю! Наташка сейчас баб заведёт так, что ты хрен с ними справишься. Меня только, прошу, не приплетай. Сам кашу заварил, сам и расхлёбывай.

– А что я сразу? Там и без твоей жены обстановка, как на майдане, скоро до «небесной сотни» дойдёт, все друг друга переубивают, а ещё ты свалил и ни слуху ни духу.

– Митингующие уже лозунгами разговаривают? Давай, Топор, режь правду-матку. Кричат, долой правительство, там, или геть олигархов, экспроприировать экспроприаторов? Нет? Зря. Знаешь, у нас на повестке вновь извечные русские вопросы из разряда что делать и как быть, подпёртые для крепости сакральными поисками виновных. Надеюсь, они уже сковородки в аду обживают, но найти этих гадов и покарать мочеиспусканием на безымянные могилки считаю делом принципа, – лениво и несколько ёрнически процедил Михаил, сразу меняя тон. – Там всё, Коля. Если я говорю «всё», то «ВСЁ» с большой буквы, и все они заглавные.

– В каком смысле? – опешил Топоруков.

– Пошли, друг мой ситный, – положив руку на плечо Николая, Михаил потянул его за собой. – Нехорошо заставлять людей ждать, а смысл, Коля такой, что в радиусе от тебя до ближайшей пещеры или шахты живых людей не наблюдается. Такое у меня чувство и как мне кажется, оно меня не обманывает. Хотя, как на духу, до визгу хочется, чтобы обма-

нуло! Поверь, я бы всё отдал, чтобы обмануло, и Катька не лежала бесформенной кучей белья.

* * *

– Что там?

Пожалуй, это был первый и едва ли не главный вопрос, светившийся в десятках пар глаз, направленных на Михаила. На лицах людей замерло ожидание, через которое поступали нешуточное беспокойство и затаенный страх с подспудной надеждой на благополучный исход. Вдруг этот рвущий жилы жуткий крик был чьей-то неудачной шуткой. За доли секунды Михаил прочитал чувства окружающих и они, наткнувшись на ледянящий холод в ответном взгляде, внутренне подобрались, готовясь к худшему. Даже шепотные школьники боялись нарушить тишину, которая звенящим пологом повисла в пещере.

– Наташа, Лиза, Санька, идите сюда, – слова колючими ёжиками проскребли через глотку. Справившись с собой, Михаил потянул к себе дочку Григория: – Иди ко мне, Марина.

– Дядя Миша, – прижавшись к мужчине, с трудом пролепетала девочка, которую била крупная дрожь.

Девочки успели наслушаться ужасов от Натальи, и Марина уже представляла, какие новости её ждут.

– Говорю для всех: в данный момент снаружи опасности

нет, – будто пролаял Михаил.

– Мужик, тля тебя дери, кончай яйца мять, чего есть? – выкрикнул долговязый пирсингованный и татуированный парень с тоннелем в левом ухе.

Про таких говорят – весь на кипише. Переминаясь с ноги на ногу в группке студентов, он явно не находил себе места, что-то гнало его вперёд, и только руки перепуганных девушек, с неженской силой вцепившихся в кожаную куртку, до сих пор удерживали его на месте.

– Ты это, типа язык проглотил? Говорю тебе, мужик, кончай яйца мять, мы люди пуганые, ты давай языком работай.

– За своими яйцами следи, – огрызнулся Михаил, – ухо, гляжу, тебе порвали. А теперь говорю для информации и понимания обстановки: живых снаружи нет, – просверлив пирсингованного нахала взглядом, отчего тот непроизвольно отступил за спины девушек, веско добавил Михаил. Заглушая поднявшийся ропот, он выставил вперёд руку. – Тихо! Чтобы всем было понятно с первого раза и одного слова, мужики, я тут ни хрена не шучу!

Какая-то хрень прихлопнула всех, кому не повезло не оказаться под землёй.

– Па-ап!

– Дядя Миша!

Два мелких тела синхронно врезались в Михаила справа и слева.

– Лиза, Марина, – сглотнул каменного ежа Михаил, –

Санька...

– Мама, папа, Стас, они умерли? – совсем не по-детски обронила девочка, глядя на Михаила взглядом смертельно раненого оленёнка; у мужчины враз перехватило горло.

Попытавшись поймать бегающий взгляд отца, Сашка отступил на пару шагов. Хмурый мальчишка даже не спрашивал, а больше утверждал, ткнув носком берца обломок мелкого сталактита, добивая выводом:

– Пап, Маринкины все умерли? И мы бы сдохли, если бы наверх пошли. Стаса жалко, мы с ним в «Доту» не доиграли, – всхлипнул Сашок, ткнувшись отцу лицом куда-то в район пупа и разревевшись.

– Поплачь, сына, поплачьте, девочки, – сглотнув ком, хрипло выдавил Михаил, обняв детей.

Он хотел привлечь к себе Наталью, но та, будто чужая, с холодком глянув на мужа, отстранилась от них. Прикрыв глаза, мужчина выдохнул сквозь плотно сомкнутые зубы: будто и не было надрывного «Миша» пятнадцать минут назад. В груди начала подниматься глухая красная волна гнева.

Хотелось бы сказать, что после слов Михаила поднялся галдёж и лай, но это было бы неправдой. Народ тихо, где-то преувеличенно осторожно, потянулся на выход из пещеры, на ходу распадаясь на отдельные группы или, наоборот, формируя оные. Например, как вокруг Топорукова и Натальи, внезапно ставших центром притяжения. Николай сбросил довлевший над ним страх, активно ратуя за коллектив-

ный сбор и переезд в тёплые края, пока пути-дороги не размыло, супруга Михаила ему активно поддакивала. Возможно, в больших городах, скорее всего в Москве, не все превратились в жирную пыль. Метро всяко-яко глубоко под землёй, и процент выживших там должен быть солидным, цивилизация в каком-то виде сохранится, а не рухнет в каменный век, если остаться тут.

– А нам что делать? – Фраза, обронённая тоном выброшенного на улицу щенка, заставила Михаила на мгновение забыть о гневе с раздражением и поднять помутневший взор на ладную фигуру женщины, вокруг которой потерянными пятнами жались школьники.

За спинами ребят угадывалось несколько лиц постарше, тех, кто по непонятным причинам откололся от студенческой компании.

– Простите?

– Синицина Валентина Петровна, – представилась женщина, – классный руководитель этих анархистов.

Как я понимаю, мы все оказались в ужастике, придуманном безумным сценаристом.

– Правильно понимаете, – кивнул Михаил. – Прошу принять во внимание, что это не голливудские приключения и виртуальный шутер, а самая что ни на есть суровая реальность. Вы меня спрашиваете, что вам делать? Я не знаю. Честно. Верите или нет, я сам не знаю, что мне делать, такие вот пироги с котятками.

– Мне показалось... Я увидела на вашем лице неодобрение идеи вашего друга и м-м, простите, жены. Вы не согласны с переездом, – мучительно подбирала фразы женщина в густом облаке всеобщего молчания. – Мне она тоже кажется... м-м, несколько несвоевременной, но я... – Но вы растеряны и не знаете, как поступить и что делать здесь и сейчас, правильно? Тем более на вас неожиданно свалилась ответственность за целую толпу спиногрызов, – озвучил нехитрые выводы Михаил. – Предлагаю подняться наверх, всё равно тут долго не высидеть, а там зима план покажет. Нам так и так придётся искать машину, чтобы всем выехать в город и первую ночь где-то перекантоваться. В силу обстоятельств, девочки и мальчики, думаю, вы меня понимаете – никто вас по домам развозить не станет. А там уже по ходу пьесы мы обменяемся мнениями и резонами, ехать ли на запад или куковать тут. План принимается, Валентина Петровна?

– Принимается, у меня всё равно никаких мыслей в голове нет.

– Студенты, вы что скажете?

– Мы с вами, – густым басом ответил за всех коренастый, кряжистый парень с простодушным округлым лицом.

Сняв с головы спортивную шапочку, он неуклюже пригладил короткий ёжик волос лопатообразной мозолистой пятернёй.

– Мы бы тоже тута остались.

Глава 2

Черный снегопад

– Антон, не спи, цепляй лебёдку! – опустив боковое стекло, прокричал Михаил.

– Ага! – разметая снег ногами, бывший студент неудержимым кабаном припустил вверх по склону к кряжистому дубу. – Готово!

– Врубаю! Давай-давай! – Рыча двигателем и наматывая трос лебёдки на барабан, вахтовый «Урал» медленно пополз из снежного отвала. – Давай, родимый. Умница – танки грязи не боятся!

Проблема нарисовалась, когда их честная компания дружно вывалилась из тёмного зева в мир подлунный. Пересчитав молодёжь по головам, Михаил задумался, как вывозить всю эту ораву. Его микроавтобус не подходил однозначно. Даже если умозрительно предположить, что в чудо японского автопрома набьётся восемнадцать человек, да ещё останется место для гармониста, не факт, что техника проедет по городу. Любой мало-мальски думающий реалист с закрытыми глазами представляет заторы и завалы из четырёхколёсных коней, враз лишившихся хозяев. Особенно в центре города. Тут нужен не микроавтобус, и даже не джип, а крокодил помощнее, такой, чтобы бампером мог раздвигать автомобиль-

ные баррикады или объезжать оные по тротуарам.

– Так, боец! – Михаил ткнул в сторону коротко стриженного парня, который ранее выразил желание остаться «тута».

– Я?

– Ты, ты. Или ты других на роль бойца видишь? Как тебя по батюшке, боец?

– Антон Борисович, – несколько смущённо пробасил парень.

– Так, Антон свет Борисович, слухай сюды. Надо мухой слетать вниз по склону, слышишь, там какой-то крокодил на просёлке чихает?

– Ага.

– Необходимо выяснить породу этого зверя и подойдёт ли он нам. Задача ясна? Возражения имеются?

Раз задача ясна и нет возражений, Антон, давай в темпе вальса. Одна нога здесь, другая там, пока конкуренты не прочухались.

– Ага, я быстро.

– Да куда ты побежал?

– В смысле? – опешив, резко затормозил разведчик.

– Рулить умеешь, прыгай в джип, всё не ногами перебирать.

– А можно? Он же чужой.

– Антон, не тормози, он уже ничей, хозяин почил в бозе.

Лови ключи.

Запрыгнув в не успевший остыть внедорожник Мамаю,

Антон с прогазовкой рванул с места.

– Не убейся, Шумахер! – успела крикнуть одна из девушек, отличавшаяся примесью восточных, сиречь китайских кровей, прежде чем машина скрылась за бугром. – Извините, зачем нам ещё одна машина? – придерживая двух девочек за плечи, подошла к Михаилу Валентина Петровна.

– Представьте, что сейчас на дорогах творится, особенно в городе. Тысячи людей умерли мгновенно. Кто-то, может, успел заглушить машину, а кто-то, считай большинство, так и не отпустили баранок. Там сейчас месиво. Был бы под рукой БТР, я бы на БТРе поехал, а лучше на танке, но за неимением гербовой бумаги, пишем на туалетной. – Простите, я не подумала, – искренне понурилась женщина.

– О, похоже, наш Шумахер возвращается. Быстро же он.

На радость и счастье, Антон, отправленный в разведку вниз по просёлочной дороге, принёс хорошие новости, рассказав о застрявшей в снежном отвале вахтовке с тёплым кунгом и автобусными креслами внутри. При ближайшем рассмотрении это оказался новенький «Урал», недавно полученный автоколонной, к тому же местные мастера родной конторы Михаила успели оборудовать машину каноловой лебёдкой и каким-то образом зарегистрировать в ГИБДД. Со вторым, конечно, проще: рука руку моет, сколько машин полка ГИБДД прошло через конторские мастерские – не перечесть. Впрочем, в нынешних условиях актуальность регистрации машины в надзорных органах снизилась до отрица-

тельной величины. Хоть на танке по центральной площади рассекай, ни один инспектор не остановит. Не осталось в городе инспекторов.

Подрядив Антона и пару школяров немного раскидать снег, Михаил сбегал наверх, забрал котят из легковушки и передал мелкое зверье детям. Между этими хлопотами он успел поучаствовать в дебатах, затеянных Николаем по вопросу коллективной эвакуации в западные, а ещё лучше в черноморско-крымско-сочинские пределы родины, но не был услышан, поэтому плюнул и махнул рукой на бывшего друга и присоединившихся к нему людей. Тем более кто-то из них счастливым образом дозвонился до Москвы, подтвердив версию о выживших в метро... За сим сообщением энтузиазм зашкалил за все мыслимые и немыслимые пределы, заглушив голос разума и возражения Михаила, решившего привести аргументы против немедленного выезда. Короче, белую ворону погнали из стаи, только что в спину не свистели и камнями не кидались. Наталья присоединилась к бывшему другу, ни в какую не желая слушать глас разума и логические доводы супруга.

– Наташа, – Михаил махнул рукой на логику.

Ему не раз случалось сталкиваться с неприятной стороной характера своей нежной половины, когда тебя слушают и не слышат, сейчас же было гораздо хуже, его не слушали и не слышали. Почувствовав ветер свободы, жена поймала свою волну, сбить с которой её не могла никакая мужская логика.

– Поехали домой, чего сейчас копыя ломать? Дети ждут.

– Подождут, не переломятся.

– Господи, Наталья, ты себя хоть слышишь? Я не о себе, не о тебе говорю, о детях, твою налево! – Тут до Михаила дошло, что зря он так необдуманно ляпнул.

Апелляция к детям и разуму считается женской прерогативой, а в случае поворота данного дышла против женщин обычно аргумент приводит к обратному эффекту, играя роль раздражающей красной тряпки для быка. – О детях? Вот ты как заговорил, вспомнил, наконец!

– О чём ты?!

– Ни о чём! Не приплетай сюда детей, понял! – упёршись ладонями в грудь Михаила, Наталья резко оттолкнула его. В её глазах плескалась ненависть. – Ты их и так против меня настроил, урод! Будто я не вижу, как Лиза к тебе липнет, а ты и рад стараться. Думаешь, я слепая и совсем дура?! Сашке то телефон, то ноутбук, то котёнка Лизе. Папа хороший, а я вечно плохая! Что, не так, скажешь? Скажи, что ты не хотел забрать их, если бы мы развелись?

– Я их не приплетаю и против тебя никогда не настраивал. Если захочешь уехать, я не буду тебя держать, ты меня знаешь. Куда ты лезешь сейчас, утро вечера мудреней, Наташа, подумай! Как бы нам дров не наломать сгоряча, – намеренно опуская болезненную тему развода, увещевал Михаил. – Я пытаюсь достучаться до тебя, до твоего разума!

– До своего достучись, козёл рогатый!

Основательно подточенные за день оковы хладнокровия лопнули, грубая мужская ладонь и нежная женская щека встретились с хлётским шлепком.

Михаил сорвался.

– Всё сказала? Интересно, насколько правдива поговорка про сучку и кобеля? Скажи мне, дорогая, к какому кобелю ты бегала? Молчишь, впрочем, я и так знаю! Вали! Ты свой выбор сделала, считай, что развод ты получила. Вали и не попадайся мне больше.

– Да пошёл ты, урод! Чтоб ты сдох!

– Мама! – бегущая от вахтового вагончика Лиза попыталась остановить мать, но та, не говоря ни слова, оттолкнула дочь и ушла в сторону компании Николая.

– Папа! – девочка подскочила к отцу, наткнувшись на застывшего истукана вместо живого человека. – Папа. – Всё будет хорошо, стрекоза.

– Ты ударил маму!

– Да, я ударил маму, – мёртвым голосом Михаила можно было заморозить пару погостов.

– Она нас бросила, да? Ты поэтому её ударил?

– Не говори так, стрекоза, мама вернётся. Одумается...

– Нет, не вернётся, она давно хотела уйти. Я в декабре подслушала её разговор с тётёй Верой по телефону, она говорила, что устала от тебя, ей всё обрыдло. Эти оковы и долбаное болото, из которого не выбраться. Живут же другие...

– Подслушивать нехорошо, пойдём к машине, доня.

– Я в ванне была, а мама на кухне. Я её потом спросила: неужели мы – болото? А она наорала, сказала, что я ничего не понимаю, и чтобы не лезла не в своё дело, но я ведь понимаю!

Теперь становилось понятно, почему Лиза в последние месяцы резко начала тянуться к отцу. Девочка искала участия, поддержки и родительской любви. Искала и находила то, чего не могла получить от матери. Да, какие, оказывается, секреты всплывают, но ведь мелкая ни словом не обмолвилась и даже намёком до этого дня. А Наталья мечтала о красивой жизни инстаблогерш, как же ей интернет и сказки инстадив мозги-то запарафинили!

Какой же он слепец!

– Сашке что говорить будем?

– Он знает, – потупилась Лиза. – Мы с тобой останемся, папа.

– Спасибо, успокоила. Заговорщики мелкие.

– Так, господа, – подойдя к джипу, у которого собрались сторонники варианта с проживанием в родных краях, Михаил обвёл взглядом всю честную компанию. – Извиняюсь за некрасивую мизансцену, как вы понимаете, у нас убыло на одного человека, и прошу вас данный вопрос при мне никогда не поднимать, договорились? Скажу лишь одно, нарывало давно и сегодня лопнуло. На этом всё. Никто ехать не передумал? В смысле оставаться здесь, ну, вы поняли.

– Не передумали, – за всех ответила Валентина Петровна.

– Отлично, значит так, никуда не разбегаемся, по крайней мере, дальше туалета, сейчас мы с Антоном быстро сгоняем за «Уралом», после чего грузимся и едем в город.

Не откладывая дело в долгий ящик, Михаил запрыгнул в джип. Что ж, он говорил, но его не хотели слушать, их право. Насильно мил не будешь, а в сложившихся обстоятельствах дудеть в одну дуду в Топоруковым... Хотят сдохнуть на западе, их право. Своих хлопот полон рот.

Дорога вниз по склону заняла менее минуты. На то, чтобы выбраться из сугроба потребовалась четверть часа.

– Ты, Антоха, откуда такой крепкий будешь? Запрыгивай! – смотав лебёдку и развернувшись, Михаил открыл дверь кабины. – С института-то за что попёрли? – Да-а, – почесал парень репу, – вмазал каратистам одним, к Вере клеились, а мы со школы дружим. Наши бати в ПЧ на железной дороге работают... работали. Мой кузнецом, Веркин слесарем в мастерских.

История оказалась стара как мир. Антон и Вера дружили с первого класса, после школы поступив в один вуз, только на разные специальности, и так сложилось, что к брюнетке с яркой восточной внешностью начали клеиться два одногруппника. Близнецы, братцы-акробатцы. По курсирующим в девичьей среде слухам, братья заключили между собой пари, кто первым «сорвёт цветочек». Девушка им сто раз повторяла и требовала, чтобы закусившие удила парни отстали, Антон несколько раз один на один просил добром оставить

невесту в покое. Увещевания не помогали, и в один прекрасный момент Казановы перешли черту и нарвались. Сын кузнеца подрабатывал в кузне молотобойцем, да и сам ковал, благо отец не скупился на секреты, в общем, дури в парне было о-го-го, никакой водки не надо.

Короче, супротивники вызвали флегматичного Антона на поговорить и в какой-то момент начали крутить ногами, а сыну кузнеца надо было только попасть. Он и попал, во всех смыслах. Результатом попаданий стал перелом ключицы у первого близнеца и нижней челюсти в двух местах у второго. В итоге поборник справедливости и защитник девичьей чести вылетел из вуза, так как ногокруты оказались чьими-то родственниками. Не то декана, не то ректора. С трудом удалось отбиться от дела в полиции, пострадавшие тоже оказались не без греха, но с альма-матер пришлось распрощаться, а весной сына кузнеца ждал военный комиссар и служба, но с этим теперь уже не сложилось по объективным обстоятельствам.

– Да, не повезло тебе, – усмехнулся Михаил, подруливая к ожидающим его детям и куцей компании девчат. – Чего стоим, кого ждём? Запрыгиваем, Антон, подсоби, помоги Валентине Петровне. Парни, помогаем девчатам. Связь с кабиной в кунге работает, проверено. Антон покажет, как и что нажимать. Сын, Лиза, Марина, давайте ко мне.

Тут от толпы сторонников переезда, занятых обсуждением насущного вопроса, каким транспортом и когда выезжать,

отделился высокий рыжеволосый мужчина.

Широкими шагами он пересёк стоянку, обогнул сторожку и старый вахтовый вагончик, выйдя наперерез «Уралу», за ним вприпрыжку поскакал ещё один, низенький и круглый, как колобок, и следом засемила худосочная женщина, которая, как помнил Михаил по пещере, всё время жалась к рыжему.

– Эй, мужик, притормози, – чуть ли не на бампер лёг рыжий.

– Чего надо? – открыв окно, перегнулся наружу Михаил.

– А ты куда-то спешишь? – нагло ослабилась рыжий. – Ты погоди, тут до города людей подкинуть надо.

– А я вам что, развозная телега? Бери любую машину и кати, – отбрил наезд Михаил. – Нашли, понимаешь, рейсовую маршрутку.

– Ты что, б..., с..., борзеешь, у людей горе, – окончательно лёг на бампер желающий прокатиться до города пассажир. – Типа ты один такой умный сообразил, что в городе сейчас горы битых тачек. Без танка хрен проедешь.

– Вечер перестаёт быть томным, – закипая от выплеснувшегося в кровь адреналина, тихо прошипел Михаил. – А у меня, б..., по-твоему, праздник? Уйди с дороги, пока нахрен вдоль и поперёк не переехал.

– Дави! – рыжий развёл руки в стороны.

– Антоха, поддержи, если что, – крикнув в салон по связи, Бояров открыл дверь кабины, одним слитным движени-

ем ловко соскочив на снег.

– С..., сдрейфил, коз-зёл! – глумливо оскалился рыжий, сжимая кулаки на уровне груди.

Подскочив к противнику, Михаил, как когда-то давно учил тренер рукопашного боя, левой рукой обозначил внешне опасный удар, а сам уклонившись от выброшенного навстречу кулака и контролируя ноги верзилы, полуприсев, вlepил тому ниже пояса. Да, подло, но уличная драка благородства не терпит. Охнув, рыжий согнулся в три погибели, прикрывая руками пострадавшее место. Удар ногой в лицо завершил разгром. Подхватив стонущее тело за воротник, Михаил откинул его с дороги в рыхлый сугроб. Пусть остынет немного, горячий финский парень.

– Толстый, тебе тоже прописать?

Толстячок, впечатлённый быстрой расправой, предпочёл держаться на расстоянии, в отличие от худосочной дамы, с причитаниями бросившейся к пострадавшему. – Держитесь! – Запрыгнув в кабину, Михаил выжал сцепление, врубил передачу и вдавил в пол акселератор.

Громоздкий «Урал», выбрасывая из-под колёс комья слежавшегося снега и мелкий гравий, резво скакнул с места.

– А то сейчас набегит охотничков до халявы. Умные, мать их.

Город горел. Чёрные, серые и серебристо-белёдые клубы дыма толстыми столбами поднимались в небо то тут, то там, разбавляя колыхающимися телесами мёртвую картину апокалипсиса.

– Держимся! – чуть ли не в сотый раз по внутренней связи скомандовал Михаил, сдвигая бампером очередную легковушку, перегородившую дорогу.

– Папа, а почему дома горят? – вцепившись в спрятанного под пуховичком котёнка, как в спасательный круг, спросила Лиза.

– Плитки, утюги, ещё что-нибудь, – объезжая застывший на парапете троллейбус, ответил Михаил, – включённый газ, много чего, доченька. Свет-то не выключился, а теперь погляди на последствия...

– Ой, смотрите! – крик Марины отвлёк от дороги.

Проследив за тонким пальчиком дочки Мамаю, Михаил резко вжал тормоз в пол.

Десятиэтажная панелька у поворота вздрогнула, будто живая, облицованные мелкой декоративной плиткой стены вспухли, и целая секция дома, стреляя во все стороны обломками бетона и осколками стекла, за несколько секунд сложилась вовнутрь. Машину ощутило качнуло.

Грязное облако пыли заволокло дорогу.

– Твою, – сквозь зубы выругался Михаил, – вспомни про газ... так, дети, рвём когти в объезд.

– Папа, а наш дом не взорвётся? – отмер сын.

– Не знаю, Сашок. Увидим, как приедем. Вот же не было печали, да черти подкачали.

На соседней с разрушенным домом новостройке, так называемом монолите, загорелась внешняя обшивка. Исторгающее чёрный дым пламя быстро поднималось вверх, пожирая утеплитель, который, к бабке не ходи, по всем документам был оформлен как огнеупорный. Из-за чего начался пожар, определить не представлялось возможным. Висящая в воздухе бетонная пыль густым молочным туманом надёжно скрывала нижние этажи новостройки. – Тормозим. Антоха, за мной!

Остановившись у полицейского уазика, Михаил выпрыгнул наружу. Обшмонав с Антоном то, что осталось от служителей закона, невольные мародёры разжились двумя «укороченными»⁵ и двумя «макаровыми»⁶.

– С патронами негусто? – цыкнул через зубы Михаил. – Ничего, разживёмся, благо есть где пошукать. М-да...

– А зачем нам? – держа в широченной лапище кажущийся маленьким пистолет, недоумевал Антон.

– Рыжего помнишь?

– Угу.

⁵ АКС-74У – автомат Калашникова укороченный.

⁶ 9-мм самозарядный пистолет Макарова.

– Вот затем. Тут, кроме рыжих, не знаешь, с чем столкнёшься: бешеные собаки, саблезубые кролики, бурундуки-убийцы. Бери, завтра научу стрелять. Хотя нет, вертай обратно. Пока ликбез не проведу, автоматы и пистолеты детям не игрушки, ещё ногу себе прострелишь ненароком.

Родной дом показался внезапно, с усилием вывалившись из тяжёлых клуб дыма горящего на обочине бензовоза. Одна радость – дующий со стороны реки ветер гнал тягучую пелену в противоположную от дома сторону, да плотный часток кол новостроек надёжно отгораживал дорожное пожарище от родных пенат.

– Так, Антоха, готовься цеплять лебёдку к замку газгольдера: пока не бабахнуло, перекроем газ, – заруливая во двор и расталкивая изрядно помятым бампером понаставленные у бордюров легковушки, скороговоркой протрещал Михаил в переговорное устройство.

Громко хлопнув дверью пассажирского салона, из машины выпрыгнули Антон и Виктор Касимов. Первоначально семнадцатилетний парень был принят за студента, но в коротком разговоре с Валентиной выяснилось, что недоросль приходится ей сыном от первого брака. Мать и сын были совершенно не похожи ни лицом, ни фигурами.

– Весь в отца, – коротко высказалась тогда учительница. – Благо характером в меня пошёл.

На этом вопрос родственных связей был до поры до времени закрыт. В четыре руки молодые люди распустили ле-

бѣдку, обмотав трос вокруг ворот и пропустив петлю через дверцы газгольдера.

– Отходим!

Через пару минут Михаил перекрыл вентили подачи газа. Вскоре участь газгольдера постигла трансформаторную подстанцию, но там хватило простой кувалды, с помощью которой наш кузнец одним ударом сбил замок с распределительного устройства 0,4 киловольт. Отключив главный автомат фидера, питающего дом, Михаил дал добро помощникам открывать настежь двери подъездов для проветривания.

– Электромагнитные замки домофонов обесточены, ребята. Шевелитесь, чего застыли.

– Вовремя мы, – сморщив нос, сплюнул Антон. – Газом ужасно воняет...

– Да уж, – помогая Валентине Петровне и девочкам выбраться из высокого салона (пацаны горохом высыпались сами), не мог не согласиться с ним Михаил. – Добро пожаловать, гости дорогие. Сегодня ночуем у нас, а с утра ноги в руки и на поиски подходящей фазенды.

У кого есть какие предложения, подходим, не стесняемся.

Насчёт места не беспокоимся, спешу заверить: вскрыть пару квартир на площадке не проблема.

Пожалуй, стоит опустить подробности вскрытия соседских квартир, заметив лишь одно – домушником и медвежатником Михаил на досуге не подрабатывал и склонности к криминальным дарам не имел, но талант не пропьёшь. Без

разницы, из какого места растут руки, если они золотые.

Вскороги все разместились по присмотренным местам и комнатам, строго соблюдая правила общежития – дамы отдельно, противоположные особи мужского полу, тоже, как вы догадываетесь, отдельно. Квартира Боярова помимо воли хозяина сама собой стала своеобразным штабом, советом в Филях, если хотите, в котором собрались все небезучастные.

– Михаил Павлович, почему вы считаете, что нам лучше остаться здесь? – в какой-то момент не выдержала Валентина Петровна, задав сакральный вопрос, волновавший большинство внимавшей публики, оккупировавшей зал.

– Хм-м... – Михаил задумчиво посмотрел в сторону тёмного прямоугольника окна, будто там, в темноте, лежал искомый ответ, потом в сгущающейся тишине, нарушаемой людским дыханием, перевёл взор на девчат-студенток, пробежался взглядом по детям, в конце концов остановившись на Антоне: – Скажи-ка мне, боец, какая сейчас главная опасность для нас существует на благословенном западе нашей необъятной Родины?

– Ну-у, – левая рука молодого человека непроизвольно потянулась к тыковке, потеревив короткий ёжик волос на затылке.

Простимулировав таким образом мыслительный процесс, сын кузнеца выдал на-гора:

– Не знаю, но попой чую: ничего хорошего.

– Развитая интуиция – это хорошо, Антон, – качнув го-

ловой, иронично усмехнулся Михаил. – Как я понял, предупреждающие сигналы седалища в вербальную форму ты облечь не можешь. Ладно, начнём издалека...

Встав со старого продавленного, но любимого кресла, заменить которое в своё время у Натальи не получилось ни мытьём, ни катаньем, Бояров подшагнул к тёмному зеву окна, сверкавшему чёрным бельмом, неприкрытым шторами.

– Кольская, Ленинградская, Курская, Ростовская, Нововоронежская, э-э, Валентина Петровна...

– Белоярская, Смоленская, Балаковская, – подхватила женщина, с полуслова поняв намёк.

– Это что? Я не поняла, – вздёрнула бровки Вера, невеста Антона.

– Атомные станции, – пояснил Михаил для не догоняющих.

– Это типа Чернобыль? – блеснул интеллектом Антон. – То-то чуялка свербит.

– Вряд ли, – одной фразой охладив пыл и остановив начавшийся разгон мысли, Михаил продолжил: – Скорее всего, защита станций заглушит работающие реакторы, и взрывов типа чернобыльского не будет, но остаются разные хранилища ядерного топлива, бассейны с отработанными ТВЭЛами, которые продолжают выделять тепло, и прочие радости жизни. Поэтому, когда системная автоматика начнёт отрубать линии и резервные источники электроснабжения прикажут долго жить, оставшись без топлива, нам лучше держаться

подальше от мест возможного радиоактивного загрязнения, как равно всем прочим, не желающим плодить мутантов, что в окружении такого количества АЭС несколько затруднительно. Вот тогда я не исключаю мощных выбросов различной ядерной гадости в атмосферу и не завидую выжившим. Ладно, станции – это полбеда...

– Охренеть, – пробасил Антон. – А что, есть ещё что-то хуже?

– Есть, как не быть, – об зверский оскал зубов Михаила можно было порезаться. – Химические предприятия непрерывного цикла. Лично я бы не исключал отравленных утечек в атмосферу и в реки. Нефтеперегонные заводы, различные закрытые хранилища и биолaborатории.

Гидроэлектростанции с ограниченным сбросом в зимний период. Это в нашем медвежьем углу промышленность почилла в бозе, одни полезные ископаемые остались, в Сибири, на Урале и дальше хватает коптящих труб, один чих которых валит с копыт табун лошадей и две отары овец. Так что мы в нашей ситуации, как бы иронично это ни звучало, сидим не у чёрта на рогах, а у Христа за пазухой. Без людского догляда вся эта химия рано или поздно вырвется наружу, мало никому не покажется. Но и это сейчас не главное, дамы и господи, я бы...

Резко замолчав, Михаил сглотнул и продолжил, по-стариковски пожевав губами:

– Есть вещи страшней химии и радиации.

– Ну ты скажешь, пап, – пискнула из угла дочка.

Загнать мелких спиногрызов в кровати не получилось, и как-то так вышло, что птичий базар из младшего поколения гомонящей стайкой приземлился на ковёр у журнального столика.

– Ох, кнопка. – Три шага и взрослый мужчина присел на корточки у смущённой девочки. – Поверь мне, люди будут куда страшней. Я не знаю, что там с шахтами до Байкала, но на Кузбассе их хватает. Представьте себе тысячи горняков, поднявшихся на поверхность с забоев. – После небольшой паузы Михаил припечатал: – Тысячи мужиков, и ни одной бабы. А тут мы, переселенцы, так нас и разэтак. Сколько-то дней налёт цивилизации на людях продержится, а потом включится закон стаи. Вожаки начнут подгрёбать под себя, быстренько обзаведутся оружием, самым голосистым вколотят в бошки несколько граммов свинца и начнут делить власть по понятиям, либо рванут доставать баб в Новосибирск.

– Почему в Новосибирск? – прогудел Антон.

– Метро патамушта, – очень похоже спародировав Ельцина, ответил Михаил. – Там женщин наверняка побольше выживет, вот купцы и придут за товаром, пустив в расход тех, кто не согласен с подобным товарообменом. Не факт, что будет именно так, но где-то около того. Есть все шансы проскочить мимо в первые дни, пока народ не прочухался, но после того как бывшие шахтёры и городские поделят зоны

влияния, проскочить будет труднее. Это только кажется, что Россия большая и у нас море дорог, на самом деле нормальных трасс раз-два и обчёлся.

Ставь вооружённые блокпосты и бери путешественников тёплыми. Самая жирная, естественно, будет Москва, за ней Питер. Ещё метро есть в Казани и Нижнем Новгороде, про Новосибирск вспоминать не будем. Есть ещё где-то, где, я не помню точно. В Красноярске только строят, строили в смысле. Киев и Харьков – это Украина, там тоже есть метро... Да, там и без нас разберутся. А, в Минске ещё... Короче, в любом случае нас ждёт передел власти, и мы лишние на этом празднике жизни. Если женщины, девушки и девочки становятся, как бы это грубо ни звучало, высоколиквидным товаром, то парням в лице Антона, меня и мелких спинногрызов ничего хорошего не светит.

Пристрелят нас где-нибудь в тёмной роще или в светлом березняке, и хорош небо коптить. Пацанов, может, куда пристроят, если будут себя хорошо вести, а старые кони никому даром не нужны. Может, я излишне утрирую и нагоняю жути, только вариант «перебдеть» кажется более выигрышным, чем его антипод. Думаю, вы со мной согласны. Тактически идея осесть на месте на несколько лет, заматереть на местных ресурсах, научиться стрельбе и проч и проч кажется мне более привлекательной. Я думаю, вы со мной согласитесь, что, став силой или спаянным коллективом, впрочем, что одно и то же, мы получим более высокие шансы в будущих пере-

говорах с кем бы то ни было. – Я не поняла, Михаил Павлович, вы битый час распинаетесь о том, что нам лучше сидеть на месте и не рыпаться, но сейчас, упоминая о тактике, говорите о переезде. В чём подвох? – Вера, рупор женской половины собрания, под общий девичий гул изобразила непонятливость и святую простоту. – Если есть тактика, значит, есть стратегия?

– Вера, помолчи!

– Не стоит, Антон. Твоя девушка права. Есть и стратегия, а стратегия заключается в том, что через несколько поколений мы элементарно вымрем из-за близкородственных браков и отсутствия, гм, генетического разнообразия. Биологию в школе изучал?

– Ну...

– Подковы гну. Я вижу выход в воровстве женихов, это если мы решим, как сказала Вера, не рыпаться. Обратный процесс... Обратный процесс желательно исключить. Впрочем, мальчики и девочки, у нас будет время всё хорошенько обдумать. Предлагаю свернуть обсуждение далёкого будущего, вернувшись к горькому настоящему. Желательно с утраца съехать на новое место жительства где-нибудь на отшибе. Из хотелок мне видится фазенда или несколько фазенд за высоким бетонным забором с отдельным источником водоснабжения или скважиной. Плюсом к воде принимаются сотки и гектары пашни под поля-огороды и хозпостройки для скотины. У кого какие предложения?

– Пап, а почему мы не можем остаться дома? – в этот раз, для разнообразия, роль гласа народа досталась сыну. – Батареи горячие, свет есть.

– С того, Санька, батареи горячие и свет есть, что котлы нашей ТЭЦ работают на газу в автоматическом режиме. Великое счастье и везение, что энергосистема не развалилась окончательно. Сын, если не сочтёшь за труд выглянуть в окно, то можешь собственными глазами убедиться, что в домах за школой и в соседних микрорайонах нет света. Проще говоря, из двух ТЭЦ в городе одна угольная. Люди исчезли, подача угля остановилась, и котлоагрегаты перестали вырабатывать пар для турбин. Всё, приехали. Скоро в газопроводе кончится газ, и наша ТЭЦ тоже встанет, если раньше не случится какой-нибудь аварии в энергосистеме. Сидеть, ожидая с моря погоды? Увольте! Сколько там осталось: час, два, сутки?

* * *

– Вам не показалось это странным?

Валентина Петровна бесшумной тенью возникла за спиной Михаила. Неслышно ступая, будто плывя, она вошла в тёмный зал, шаг за шагом приближаясь к замершей у окна глыбе, на которую походил Бояров, рассматривающий играющее красными сполохами зарево за чёрным частоколом ближайших домов за дорогой. Да и сами дома, отделённые

призрачной границей асфальтового полотна, шевелились в облаках дыма горящего города.

– Мне осталось понять, что лично вам, Валентина, кажется странным? – полуобернулся мужчина, так и не сомкнувший глаз за всю ночь.

Разобранный после импровизированного собрания диван продержал человека в объятиях дай бог час.

– Наша реакция, – немного пояснила женщина.

– О! – ёрнически прошептав, оживился Михаил, баюкая в руках котят.

Мелкие лысые поганцы напрочь отказались спать в тёплой корзинке или с детьми, всеми правдами и неправдами перебравшись к мужчине.

– Кстати, это не единственная странность, как вы могли заметить.

– Да, не единственная, – зябко кутаясь в шаль и становясь рядом, одними губами промолвила Валентина Петровна.

– Я не понимаю, почему сейчас? Почему именно сегодня? Почему? За что, мать его? Человечество прихлопнули, засыпали дустом и залили дихлофосом, как тараканов.

– Как вы думаете, это Бог?

– Бог? Не думаю. Этот товарищ две тысячи лет терпел выкрутасы потомков Адама, угрожавших его сына на Голгофе. Прощал грехи, закрывал глаза на мировые войны, геноцид и прочие весёлые извращения больного сознания. Хотите сказать, терпелка лопнула, что нас всей охапкой, чохом спрова-

дили в ад при жизни? Или мы прошляпили дату Страшного суда? А? Понимаю, *Он* сообщил избранным, дабы те схоронились поглубже (так сказать, версия Потопа вторая, улучшенная), а прочих двуногих в пыль и порошок. Но тут есть слабое место, не находите, Валентина Петровна: ну не тяну я на избранного, хоть убейте. Ной из меня никакой, да и другие на святых не тянут, прости Господи.

– Я не о том, Михаил Павлович.

– Да понял я, о чём вы, – устало отмахнулся Михаил. – Не дурак. Заметил, что никто в истерике не бьётся, заметил. Даже мы с Натальей театрально так разругались. Показательно на публику. Это ненормально, не знаю, как другие, что у них в душе и в головах творится, а я будто в воздушном шарике плаваю, таком большом-большом и накачанном ватным туманом. Когда начинаешь задумываться, понимаешь, что эмоциональный диапазон обрезан или заглушён, будто у какого-то болванчика. Да, это странно, согласен, но не настолько, чтобы биться головой о стену. Тот гад или те математики, ни дна им ни покрышки, которые совершили операцию по умножению человечества на ноль, могли предусмотреть подобное развитие событий.

– Вы думаете, кто-то испытал такое оружие?

– Хрен его знает, оружие или нет. Вам сейчас не всё ли равно? Вполне возможно, глупо отрицать факт развития технологий. Мы и сотой доли не знаем того, что творилось в секретных лабораториях и военных научных центрах. Кто его

знает, до какого уровня уничтожения себе подобных доказались умники в погонах? И не спросишь их теперь. Быть может, и так, добаловались уроды. Съехала крыша у какого-нибудь оператора очередной вундервафли, баба, там, ему не дала или начальство в кису наклало, он и придавил красную кнопочку с горя.

Бахнул чем-нибудь с орбиты – вся планета медным тазиком накрылась. Или инопланетяне плацдарм себе расчистили, надоело им, понимаешь, аборигенов ректально зондировать. Не знаю, ничего я не знаю... Кому бы вопросы задать, не подскажете? Где тот аппарат, чтобы высшему разуму по прямой линии звонить? А вдруг был прав один мой бывший коллега, утверждавший, что человечество в своей массе есть суть расплодившийся на поверхности Земли вирус, болезнь, типа раковой опухоли. Полипов с пеной у рта доказывал разумность планеты. Мол, если ты не видишь суслика, не значит, что его нет, чуть ли не с земной ноосферой и эйдосферой в прямом контакте находился. Чудик ещё тот был, больной на всю голову.

Непризнанный гений, пророк, блин... Избавились от нас, как от вируса? Ведь жрали, жрали, никак ресурсами нахapatся не могли, всю нефть подчистую выкачали, всё изрыли, весь мир засорили, загадили, отравили всё, что можно и нельзя. С этой точки зрения кто мы, как не паразиты? Так что, Валентина Петровна, конечно, всё это странно, но... – Михаил переложил котят на диван, накрыв их одеялом. –

У меня голова сейчас не об этом болит. Совершенно не об этом.

– Я вас понимаю. Сама думаю, как жить будем.

– То-то и оно. Тут элементарным переездом не отделаемся. Фактически на натуральное хозяйство переходить придётся. Сколько мы на продуктах долговременного хранения продержимся? Несколько лет, а потом? Тряпки изнаются, а те, что не изнаются, окажутся поточенными молью да изгрызенными мышами. А жрать что прикажете? Техника заржавеет, порох тоже не вечен, так что внукам-правнукам ничего не остаётся, как осваивать луки, стрелы и мотыги, если мы не сохраним знания и хоть какой-то фундамент для будущих поколений не заложим.

– Уж не поэтому ли вы, Михаил Павлович, планируете переезд не в столь отдалённом будущем?

– И поэтому тоже, не надо иронии, Валентина Петровна.

– Зовите меня Валентиной.

– Тогда и вы меня величайте по-домашнему.

– «Дорогой» что ли? – улыбнулась женщина, сверкнув в темноте белизной зубов.

– Как знать, – принял подачу Михаил, с лёгкостью меняя тему разговора. – Глядишь, и до этого дойдёт, «дорогая». Давайте не будем форсировать события. Для начала определимся на местности, обростём мышцами, чтобы нас не схарчил кто бы там ни был, а дальше видно будет. Мне сейчас не до амуров, честно говоря.

– А я коров доить не умею, – будто невпопад сказала Валентина.

– Ничего, я научу. Каждое лето в деревне у бабушки с третьего по девятый класс даром не прошли. Бабушка научила и корову доить, и козу. Руки помнят, как за вымя тянуть.

– А вы завидный жених, Михаил Павлович! На все руки мастер, как я погляжу. Простите, что я опять по открытой ране.

– Эх, если бы, но растут они из нужного места, надеюсь, а не из тазобедренной области. А рана... Знаете, я смирился. У нас давно к этому шло. Не хочу искать и судить, кто из нас виноват и кто больше. Наверное, оба в одинаковой степени. Я ведь давно для себя решил, что детей не отдам, но как-то тяжело принять, что их бросили. Вот так легко... До сих пор ни одного звонка на мобильный, а связь ещё работает. Вот скажите, Валентина, чего вам, женщинам, надо? Хотя, хотя ничего не говорите. Лиза и Сашка переживают, мне они вида стараются не показывать, но я ведь не слепец. Дурак – да, здесь согласен, но не слепой. Всё, больше не будем об этом.

Тут за немой коробкой соседнего дома полыхнуло особенно ярко, в небо взвился настоящий рой огненных пчёл. Длинные красные языки голодного пламени потянулись к тучам. Безглазые тени домов налились тяжёлой густотой и задрожали от поползшего во все стороны гула.

Несущие конструкции съедаемого ненасытным хищником здания не выдержали напряжения. Нестерпимый жар ог-

ня подточил прочность создания рук человеческих, обрушив сотни тонн бетона и кирпича вниз. Напуганными овцами задрожали стёкла, вроде бы прочно запакованные в тройные стеклопакеты.

Поднятые ветром, в окно застучали чёрные снежинки. Некоторые из них размазывались по стеклу серыми пепельными кляксами.

– Чёрный снегопад. Красное пламя. Красное и чёрное, со всем как у Стендаля.

– Что-то знакомое, это кто?

– Писатель, француз.

– Не читал, но заранее ненавижу.

– За что?

– За красное и чёрное.

– Я взглянул, и вот конь белый, и на нём всадник, имеющий лук, и дан был ему венец. И вышел он как победоносный и чтобы победить, – вздрогнув всем телом, Валентина вспомнила Новый Завет и четырёх всадников Апокалипсиса.

– Чума, – тихо, под нос, отозвался Михаил. – Поправьте меня, если ошибаюсь: за Чумой должен идти Война на коне рыжем?

– Да.

– Тогда почему я вижу Смерть на бледном коне?

– Не ту печать с книги Откровения сорвали. Всевышний начал с другого конца. Вам не всё ли равно, Михаил Павло-

вич? Простите за возврат ваших же слов? Будьте покойны,
Война, Голод и Чума своего не упустят.

Глава 3

Исход

– Пап! – дочка, мёртвой хваткой вцепившаяся в руку, чувствительно дёрнула за указательный палец.

– Чего тебе, стрекоза? – стараюсь ничего не забыть из самого нужного на первые дни, Михаил отвлёкся от сбора рюкзака.

– Там Грей и Мира скребутся и воют, давай их с собой заберём?

– Какой Грей, какая Мира? – пытаюсь поймать нить мысли девочки, Михаил нахмурил брови. – Доня, у меня без того хлопот полный рот.

– Ну как ты не понимаешь, они же умрут одни без еды! – Лиза возмущённо подпрыгнула на месте.

– Так, ещё раз, эти Грей и Мира – кто они?

– Собаки дяди Володи с третьего этажа.

Тут Михаил вспомнил о паре голубоглазых хаски, прописавшихся у пожилого соседа-собачника года два назад. С Владимиром Сергеевичем, хозяином лаек, он частенько встречался у улице у дома, но за все годы жизни близкого знакомства не свёл, ограничиваясь взаимными пожеланиями здоровья и стандартным «как дела?». Ничего плохого о пенсионере сказать было нельзя: интеллигентный мужчина,

всегда своих четвероногих друзей выгуливал с пакетиками и специальным совком для подбора фекалий, да и хаски у Владимира отличались отменным воспитанием, которым хозяин собак не пренебрегал, в отличие от некоторых. У нас ведь как порой случается: заведут мимимишного щеночка, балуют его, а щенок незаметно вырастает в безмозглую псину, которой один путь – на улицу, потому что люди начинают резко задумываться, что делать с этим неуправляемым зверем, и, ничего не придумав, принимают единственное, с их точки зрения, верное решение. Потом спрашивается: а чего это у нас по помойкам породистые псы побираются? Всё из-за таких вот безмозглых безалаберных хозяев, которым запечного таракана доверить нельзя, не то что кошку или собаку.

– Они хорошие, папа, мы с Сашкой их иногда выгуливали, когда дядя Володя разрешал.

Да, многого Михаил не знал о собственных детях и соседе. Дядя Володя, значит. Впрочем, чего сейчас кулаками махать, когда сосед того самого, представился, как и большая часть населения шарика, зовущегося Землёй. – Ладно, не верещи пароходной сиреной, собаки в хозяйстве пригодятся, чуть попозже попробуем вскрыть дверь болгаркой. Если они на нас не кинутся, не дай бог, то заберём с собой. А сейчас иди собираться, через тридцать минут я проверю рюкзак и сумку. Давай мухой.

– А ты не забудешь?

– Я бы, может быть, и хотел, но ты же не дашь. Ты не стрекоза, ты репей!

Направив дочь на путь истинный, Михаил потопал на кухню, где лоб в лоб столкнулся с Антоном.

– Так, боец, ты чего тут?

– Да вот, хотел чайку, а воды тью-тью, – посетовал парень, щёлкнув ногтем по крану, – кончилась.

– Похоже, насосная станция горводоканала накрылась. Бывает, – несколько равнодушно пожал плечами Михаил, давно ожидавший подобного развития событий. – Бутилированную возьми. Как Вера?

– Держится, – тяжело вздохнул Антон, набирая чайник. – Я тут подумал...

– Ни фиги себе, боец, ты и это умеешь?! Ладно-ладно, не дуйся, это от нервов, не на детей же с женщинами рычать, а ты ничего так, удар держишь, аж где-то завидно. Ладно, проехали. Говори, чего сказать хотел.

– Мы с отцом по осени одному крутому коммерсу кованую беседку делали. Так, скорее батя делал, а я на подхвате был, но я не об этом хотел сказать, – чуть замялся парень, щёлкнув кнопкой чайника. – Хоромина у заказчика очень уж подходящая под наши условия. Домина квадратов на двести, с гаражом на отшибе. С одной стороны дачный посёлок, со второй – мотострелковая часть, бетонный заборище и вроде как своя скважина, летняя кухня, хозпостройки, грядок чуток, хотя там на всю китайскую деревню огородище можно

распахать при желании. Что ещё... про канализацию не скажу...

– Септик прикопан, скорее всего, – сам себе кивнул Михаил, которому всё равно никакие достойные варианты в голову не лезли.

Были у него коттеджи на примете, даже чуть ли не дворцы в стиле ампир, но хоромины, расположенные в черте города, не удовлетворяли выше предписанным условиям по обеспечению автономности. То централизованное водоснабжение, то канализация или ещё что, так что он с ходу зацепился за предложение Антона.

– С этим мы на месте разберёмся, а так твоя засватанная изба принимается в качестве рабочего варианта под первым номером. Короче, боец, если ты вдруг в Москву соберёшься, ты мне заранее скажи.

– Зачем? – опешил парень.

– Затем, чтобы я тебе ноги прострелил. Понимаешь, Антон, такая корова нужна самому, а ты не корова, ты – лучше! – закончил Михаил под широкую улыбку довольного грубой похвалой молодого человека.

Господи, как мало нужно человеку для счастья.

– И военная часть под боком – это тоже очень хорошо. Клондайк для понимающего человека, Антон, Клондайк! Кстати, боец, ты с болгаркой как, на «ты»?

– Ничего вроде. Справлюсь, если надо.

– Надо, боец. Пока свет не накрылся медным тазом, как

вода, квартиру бы одну вскрыть. Мои карапузы покажут какую, только дверь без меня не отваливай, а то там хаски. Хрен его знает, как они встретят спасателей. Давай, допивай чай, а я пока проверю рюкзак у дочки, и займётесь. Так, твоя хата с рекламного проспекта в каком районе?

Антон озвучил. Михаил задумчиво потеревил щетинистый подбородок.

– Ага, понятно, сообразил... Нам по дороге на стоянку за строительным магазином зарулить придётся и закупиться, хм-м, затариться кое-чем... Да, там же и затаримся, чтобы далеко не ходить.

– Э?

– Генераторы нужны, сварочные аппараты и так, по мелочи барахлишком разжиться. Привык я как-то к электричеству, хоть говорят, что свечи экологичней, но я ретроград и за модными веяниями не гонюсь, а тебя на грузовичок пересадим. Видел я там несколько корейских «головастиков».

* * *

Пессимистичные прогнозы не оправдались, хотя как сказать: дочку соседские лайки не покусали, но зализали чуть ли не насмерть. До последнего дня мелкая стрекоза проходила у отца под грифом завязтой кошатницы, и тут случился позорный афронт по всем статьям. Кошатница кардинально поменяла породу и вид личных пристрастий на проти-

воположный. Чистейшей воды собачница с солнечной улыбкой на устах радостно прыгала вокруг собак, а те вокруг неё. Впрочем, мелким лысохвостым котяткам оказалось всё равно, свернувшись компактными клубочками в тёплой переноске, они свысока плевали на страсти с лающими конкурентами за хозяйское внимание. Одно хорошо: ни Владимира Сергеевича, ни его супруги дома не оказалось, видимо, смерть застала их в другом месте. Странно, но от этой мысли почему-то становилось легче.

– Лиза, хватит носиться, – опустив боковое стекло, прикрикнул Михаил. – Быстро загружайся в машину и зверя своего тащи! Антон, помоги, будь ласков!

В этот момент Грей вырвал поводок из детской руки, рванув куда-то в соседний двор. Дочка погналась следом. – Чёрт! – в сердцах ругнулся Михаил, выпрыгивая из кабины и устремляясь следом. – Лиза, стой! Стой, кому говорю! Пристрелю чёртову псину...

За спиной звучно хлопнула дверь кунга. Присоединяясь к преследованию, на присыпанный бетонной пылью и сажей снег соскочили Валентина Петровна и Антон.

– Грей, Грей! Грей, ко мне! – надрываясь, кричала девочка, следом за псом забегаая в открытую калитку частного детского сада, где, как в последний момент вспомнил Михаил, работала воспитателем жена Владимира Сергеевича.

Горестно завывая, Грей неистово заскрёбся во входную дверь с искусно нарисованными зайчиками и белочками. По-

скользнувшись у калитки на ледяной дорожке, раскатанной малышнёй, Михаил чуть не загремел костями, не успев остановить опрометчивый поступок дочери, впустившей собаку в сад и шагнувшей следом.

Они все были там. И Владимир Сергеевич с женой, и дети... Чёрные холмики праха в скомканной одежде. Никто ничего не успел понять: бывший хозяин пса нашёл покой на мягком диванчике в небольшом холле, где он, видимо, дожидался супругу, которая укладывала детишек на послеобеденный сон. Женское бельё немым укором повисло на низенькой спинке одной из полутора десятков миниатюрных кроваток, ставших катафалками для ушедших в иной мир детишек...

Ткнувшись носом в начищенные до блеска ботинки хозяйина, Грей поворошил лапой штаны, из которых на пол высыпалась жирная горстка праха. Потыкавшись в одежду, пёс уселся на задницу и надрывно заскулил, оплакивая потерю.

– Папа! – кинулась к Михаилу разревевшаяся дочка, до которой дошёл весь тихий ужас вроде бы мирной картины, исключаящей завывающую собаку, из глаз которой катились градины слёз.

– Господи, – шевельнулись побледневшие губы мужчины.

Схватив дочь в охапку и закрыв ей ладонью глаза, он спиной назад вымелся из могильника, украшенного нарисованными на стенах зайчиками и белочками.

– Антон, не задерживайся там, тащи псину сюда.

Упрётся, дай ей по морде и волоком волоки. Валя, не стоит, не ходи туда, не надо.

Едва сдерживаясь, чтобы позорным образом не заорать от бессилия, Михаил загородил женщине дорогу.

– Поверь мне, не надо тебе туда.

Придерживая Валентину за локоток, Михаил вышел за границу детского сада, хлопок калитки за спиной стал освобождением от мертвящего ужаса, терзавшего его. Даже гибель подруги супруги практически у него на глазах и вид смертельной агонии города не настолько били по нервам, как минутная прогулка в проклятое богом и дьяволом место. Видно, всё-таки вчера что-то повлияло на чувства, заморозив их, чем основательно притупило боль потерь, а сегодня искусственная плотина дала трещину.

– Идёмте в машину и валим отсюда. Кстати, хочу задать вопрос, э-э-э...

– Хороший вопрос – «э-э-э».

– Ладно, спрошу прямо, вы стрелять умеете?

– Михаил Павлович, вы меня пугаете. Хорошо-хорошо, столь же прямо отвечу: ногу себе не прострелю. Давайте сюда волюну, – протянула руку женщина.

Получив оружие, она ловко выщелкнула обойму и передёрнула затвор, немудрёно показав, что умеет обращаться с изделием оружейника Макарова.

– Папа научил, всё детство по гарнизонам, затем кружок пулевой стрельбы. На мастера я не тянула, но и последней

не была.

– Ваш отец был военным?

– Да. – С тихим щелчком обойма встала на место, пистолет незаметно скрылся в складках одежды. – До подполковника дослужился, танкист. Давайте сейчас не будем об этом. Почему...

– Почему я отдаю оружие вам? – перебил Михаил. – Зудит в голове предчувствие такое нехорошее, неприятное, как комар. Зудит и зудит. О, похоже, Антон идёт, предлагаю в машине договорить, согласны?

Дождавшись Антона, принёсшего на руках поскуливающего кобеля, Михаил осторожно выехал со двора. В последний момент персоналии пассажиров в кабине поменялись. Памятуя о неоконченном разговоре, Валентина приняла меры к завершению беседы. Что-то наказав девочкам из класса и бывшим студенткам, она проводила Лизу в кунг и, немного потеснив Сашку, заняла место дочери. Надувшись на несправедливый обмен, сын прилип носом к окну. Переглянувшись с учительницей, Михаил тихонько фыркнул. Ревнует мальчишка, шестое чувство которого всюю сопротивлялось факту появления в жизни отца новой женщины. Сопротивлялось, медленно и верно проигрывая в безжалостной схватке с действительностью. С юных лет Сашок привык, что сиденье рядом с водителем закреплено за мамой или за кем-нибудь из пары «брат – сестра», поэтому наглое попрание Валентиной Петровной незыблемого принципа

па оказалось встречено в штыхи.

– Ничего не говорите, я в порядке, – накручивая баранку, обронил Михаил, на мгновение скосив взгляд вправо. – В утешениях я, как видите, не нуждаюсь. Извините, Валя, но и от меня вы подобного не дождётесь.

Знаете, не оттого, что я чёрствый сухарь, просто... Просто, если мы тут начнём дружно лить слёзы и вытирать сопли о жилетки друг друга, только хуже сделаем.

– Хорошо, – вздохнула Валентина Петровна. – Давайте сменим тему. Вы говорили о предчувствиях.

– Говорил, и от своих слов не отказываюсь, знаете, простите за косноязычность, оно или они не о нас. Впрочем, о нас тоже. – Поправив прислонённый к двери автомат, Михаил неопределённо помахал рукой. – Меня волнует другое...

– Что? – встревоженно напряглась женщина.

– Наши герои-переселенцы во главе с моим бывшим корешем и женой.

– В какой-то мере ситуация понятна, но я как бы несколько далека от ваших друзей, не находите, Михаил Павлович?

– Нахожу, – легко согласился Михаил с первой половиной фразы собеседницы. – Я сейчас о другом хочу сказать: меня волнуют Топоруковы. Молчат они, что довольно подозрительно, на мой взгляд. Не звонят, затихарились, как мыши под веником. Для Натальи это нехарактерно, у моей бывшей натура мстительная. Я думал, у меня вечером мобилник добела раскалится, как-никак связь работала, а ничего,

понимаете? Если разобраться...

По сути дела, я их вчера кинул. Не о жене речь, а в общем. Да-да, с какой стороны ни посмотри, из песни слов не выкинуть. Хреново поступил, но тут что сделано, то сделано.

Поздно пить боржоми. Зная Топорукова, я ждал предъяв, а их нет. Не к добру это.

– Если рассматривать с этой стороны, ваши опасения обретают смысл, Михаил Павлович. В любом случае мне не хватает информации для глубоких выводов, поэтому дать оценку вашим сомнениям не могу, уж простите великодушно. Положа руку на сердце, я и вас боюсь оценивать.

– Ладно, принимается, проехали с оценками. Касаемо Топорукова, для общего развития и повышения образованности, позвольте огласить тот факт, что Николай – это известный вам заводила и протекционист идеи переезда, вообще-то человек ведомый по складу характера. По крайней мере, я так считал. Ха, что тут говорить, не только я. На всякие гадости он был горазд и со школы любил прятаться за чьей-нибудь спиной, тихушник, но вчера он меня поразил в самое сердце. Добровольно рваться в лидеры, хм, Коля сам на себя не похож. Подозрительно... Кто-то с претензиями на должность серого кардинала умело подхватил вожжи – вот что я думаю. К тому же у него появилась «кукушка», вполне возможно, что птица сия и вожжи с уздой подхватила.

– Не за вашей ли спиной творились непотребства? – губ Валентины коснулась саркастичная улыбка.

– За моей, каюсь, глупо отрицать очевидное, – провозжая взглядом стайку воробьёв, ответил Михаил.

Чирикающая во всё горло, серые пернатые комочки срывались с кустов и деревьев, устремляясь за машиной, словно крича: «Возьмите нас с собой!» В образовавшейся пустоте птицы выглядели потерянными. Живя бок о бок с людьми, пернатые приспособились к шуму, мельтешению транспорта и толпам людей, а тут их привычный образ жизни рухнул в одночасье. Голуби, сидящие на карнизе почтамта, не вызывали того отклика в душе, который был свойственен растрёпанным воробушкам. Для родных не была секретом нелюбовь к крылатым помойным крысам, загадившим все памятники, а вот воробушков было жалко. Сколько их не переживёт весны? Тьма.

– Па-а-ап! – Сашкин палец ткнул в сторону джипа, выскокившего из-за поворота.

Под аккомпанемент визга покрышек продукт японского автопрома взметнул облако сажи и перегородил дорогу.

– Зуб даю, Колян с друзьями пожаловал. Сын, включи связь с салоном.

– Готово, пап.

– Хорошо. Антон, тут комитет по встрече пожаловал, будь готов.

– Понял, – донеслось из динамика.

– Валя, бойца нашего я с утра проинструктировал, а про дам не подумал. Ты как, пару раз в воздух пальнуть смо-

жешь?

– Обижаете, сорок восемь в тире выбивала в лучшие годы. Эх, если бы ещё и этот шпалер заранее пристрелять. – Охренеть, ну нет слов! Нет, ну блин, королева в шоке. Вишел, сын, какие учителя словесности встречаются в школах, а? Валькирии!

– Пап, тебе звонят! – Сашка протянул отцу мобильник. – Дядя Коля.

– Кто бы сомневался. Послушаем, что этому деятелю надо, – пробормотал Михаил, укладывая на колени «укорот».

– Здоров, Палыч! – донеслось из трубки.

– Ну трям, коли не шутишь, – притормаживая, ответил Михаил.

– Тормози, разговор есть.

– Тормозят тормоза; я гляжу, ты не один, сколько вас там, трое? Моя там не с тобой, нет? Хотя о чём я, друзья друзьям рога не наставляют, хотя какой ты мне друг. Так сколько вас там, ты не ответил.

– Трое, трое, – высокомерное презрение и злорадная ухмылка чувствовались даже через динамик трубки.

– Ну и разговаривайте на троих. – Прикрыв рукой трубку, Михаил натурально зарычал в устройство связи с салоном: – Боец Антоха, по сигналу выпрыгиваешь и скрываешься за автобусом, берёшь под прицел дорогу за перекрёстком, вдруг они там кого на прикрытие выставили. Ни в коем случае вперёд не суйся и мне биссектрису стрельбы не перекры-

вай. Остальным лечь на пол и не отвечивать! Сашка, пригнись, тебя это тоже касается, и не дай бог нос наружу высунешь! Понял меня? Похоже, ребята настроены на агрессивные переговоры. Как он меня просчитал, сука. Вот же тварь!

– Нехорошо, ты, Палыч, с людьми поступаешь. Ты куда вчера стартанул, а? Бросил всех на хрен, какого...

Дальше, вперемешку с матом, бывший друг-одноклассник вывалил гору претензий, что люди, хорошие люди, и товарищи не поступают так, как поступил некий гад в самом плохом смысле слова, который ему, стыдно сказать, совсем не товарищ, а просто наглый поц, который мастерски маскировался все годы дружбы и знакомства. Сказать, что абонент на другом конце всё ещё работающей сотовой связи офонарел от наезда, значит не сказать ничего.

– Всё сказал? Твоя жена знает, что ты Наташку окучивал? Нет? Странно, а что ты её не просветил? Господи, о чём я, у вас там тройничок образовался, да ты силён, мужик! – решив потянуть время, дав Антону лишние секунды на подготовку, индифферентно поинтересовался Михаил.

К тому же вывести противника из себя тоже не помешает. Господи, ощущаешь себя в третьесортном боевике, где вчерашний друг внезапно переобувается в полёте, становясь смертельным врагом. Сам ли или с чьей-то помощью, уже неважно. Впрочем, Михаил тоже хорош, не без греха за душой.

– С меня-то что ты хотел? Каяться я не собираюсь, ты

уже большой мальчик, без чужих советов и мамки сам разберёшься, что к чему. Собрались валить на запад – скатертью дорожка.

– Мы-то свалим, а ты сдохнешь и других за собой потянешь. Подумай, что ты им можешь предложить? – увещевал Николай.

– О как! – усмехнулся Михаил. – А ты, значит, за светлое будущее рубишь? За всё хорошее, так сказать, против всего плохого? Под «им» ты кого имеешь в виду, заботливый наш? Коля, в наши годы в сказки верить непростительно, понимаешь, продажная ты шкура, как-то не верю я тебе, вот ни на мизинчик. Не сопрягаются у меня в голове понятия «ты» и «забота». Ещё раз спрашиваю: чего хотел?

– Баб оставь и вали на все четыре стороны, или хуже будет, – раздался в трубке странно знакомый тенорок.

Нахмуренные брови и вовремя проснувшаяся память выдали портрет рыжего аборигена, не так давно схлопотавшего по тестикулам.

– Своих щенков можешь оставить себе.

– Да-а? Гляди, отошёл наш болезный, даже гипс сняли. Урок, значит, впрок не пошёл, вот как, значит.

Миром разойтись не получится.

– Антон!

Бросив мобильник на пол и резко распахнув дверь, Михаил ловко вывалился наружу. Живой рыбиной задёргался в руках автомат, выплёвывая из ствола кусочки смерти, вспо-

ровшие скаты джипа. Гляди, попал! Попал, ёк-макарёк!

– Лежать, суки!

Где-то за автобусом тяжело дышал Антон.

– Всем выйти из машины! Ну! – Откатившись за колесо, Михаил выпустил очередь на полрожка по двигателю «японца». – В следующий раз всажу по салону. Антон, дёрнутся без разрешения, коси уродов. Считаю до трёх. Раз...

– Бл..., ...! Мы выходим! – на три голоса дурниной заорали горе-переговорщики.

– Оружие на землю, после чего жопками на снег и руки за голову! Не дёргайтесь, ребятки, я и так нервный. Боец, держи их на мушке.

Через открывшиеся двери джипа вылетели и об грязный асфальт громыкнули две «Сайги»⁷, «Зубр»⁸ с патронташем и старый потёртый «Тотошка»⁹.

– Какой раритет, – хмыкнул Михаил, беря троицу на прицел. – Гляжу, вы охотничий магазин грабанули, молодцы, ребятки. А «Тотошка» наводит на мысль о криминале. Нехорошо, ой как нехорошо.

Внезапно за спиной сухо щёлкнул выстрел.

– А-а-а! – схватился за простреленную руку, всю в тату-

⁷ Охотничий карабин на базе автомата Калашникова, выпускается одноимённым концерном.

⁸ Комбинированное охотничье пуледробовое ружье высшего класса с двумя спаренными в вертикальной плоскости стволами на базе ТОЗ-34.

⁹ Жаргонное наименование самозарядного пистолета ТТ (Тульский Токарев), разработанного в 1930 г. конструктором Фёдором Токаревым.

пировках, и зашёлся криком невысокий чернявый мужчина, составлявший компанию Топорукову и его рыжему новоиспечённому дружку.

На асфальт упал окроплённый кровью небольшой пистолет неизвестной Михаилу марки. Палец Михаила, и так бывшего на взводе, вдавил крючок, автоматная очередь перекнула рыжего и чернявого, вынеся у первого мозга.

– Вам же было сказано – без шуток! – Мысленная прямая линия от обреза ствола пистолета Макарова в руке Валентины Петровны упиралась точно в середину лба Николая.

Тот выдал весь завтрак на асфальт.

– Не стреляй!

Оценив картину маслом и результат стрельбы, Валентина грозно прошипела:

– Пасть заткнул! В следующий раз прострелю башку!

Перекинув трофейные стволы под ноги яростной валькирии, Михаил, не спуская глаз с трупов, отступил к «Уралу» и зачем-то передёрнул затвор автомата.

– Миша-Миша, Миша, не убивай! – крупной тряской забился белый как мел, Топоруков. – Ну, прошу тебя, не надо, не надо, не надо, не убивай! Ну...

– Так, за стволы спасибо. Ещё раз попадётся мне на пути или вздумаешь поехать за мной, пристрелю, как брехливую собаку. Ты, Коля, меня знаешь, я слов на ветер не бросаю. Пора тебе привыкнуть, что я своего решения не меняю. Ну что, желаю вам всего хорошего. Не пропадите там. Привет

моей. Пока.

Валентина закинула оружие в кабину и загрузилась сама. Проблевавший за автобусом бледный как полотно Антон заскочил на подножку, по-прежнему держа джип на прицеле. Взревев мотором, «Урал» вскоре скрылся за поворотом, где притормозил на пару секунд, чтобы парень перебрался в кунг. Оставалось благодарить Бога, что молодёжь и дети лежали на полу и не видели того, что натворил Михаил.

– Бляха-муха! Я завалил... убил.

– Отставить, возьмите себя в руки! Они бы вас не пощадили. Попадались мне такие.

– Наверное, вы правы, – беря себя в руки, обронил Михаил.

– Налёт цивилизации оказался тоньше, чем мы думали, – хмыкнула Валентина Петровна. – С нас он тоже осыпался, не заметили как. Ошиблись вы, Михаил Павлович, бабы стали товаром не через пару недель, а через пару часов. Господи, я хочу выпить!

– Ага, я бы тоже не отказался нажраться в стельку, – кашлянул Михаил. – Вы удивительно крепко держитесь.

– Мне приходилось видеть трупы, – ответила Валентина. – Не хочу вспоминать.

– А у меня в рожке осталось два патрона, – будто бы невпопад сказал он. – Стрелок хренов. Башка совсем не думала, на адреналине всё. П... Как подумаю, что они ведь могли ко мне домой ночью нагряться, мать их! Взяли бы тёп-

ленькими прямо со спущенными штанами. Жопорук адрес знает. Что их остановило? Наталья задержала или магазин не успели вскрыть? Теперь мне с нею точно не по пути. Валя, я начинаю жалеть, что не пристрелил последнего засранца. Подъезжаем к строительному, приготовьтесь, грузимся в темпе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.